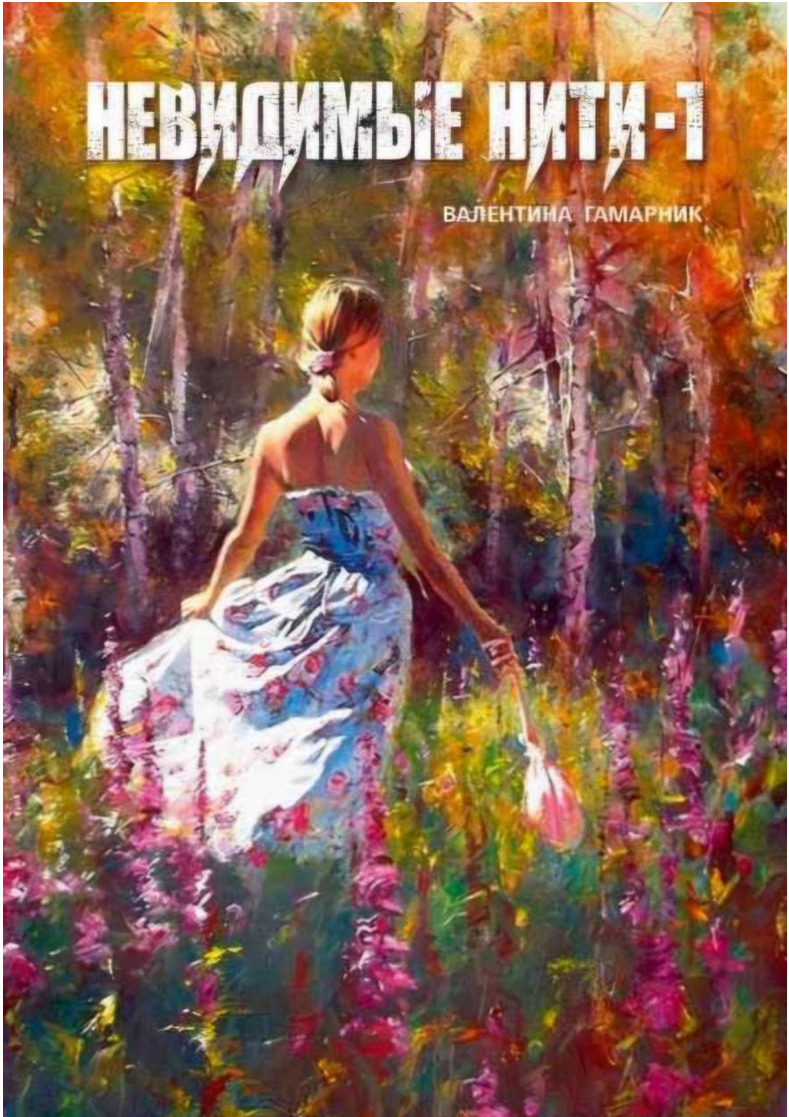
НЕВИДИМЫЕ НИТИ-1
ВАЛЕНТИНА ГАМАРНИК

Валентина Степановна Гамарник

Невидимые нити – 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73517768
SelfPub; 2026

Аннотация

Простая девочка Танюшка приехала из села в Минск в Республиканскую школу-интернат олимпийского резерва. Столица не только обласкала ребёнка, но и преподала жестокие жизненные уроки. Становление характера девушки продолжалось в годы учёбы в педагогическом институте. Таня продолжает учиться любить и исправлять ошибки, сделанные из-за неопытности. Первая любовь – Яша, знакомство со студентом Максимом, режиссёром киностудии «Беларусьфильм» Валерием Анисенко, с бывшим студентом театрального – Павлом. Автор в своей серии романов стремится рассказать, как молодёжь семидесятых, воспитывавшаяся в СССР в тепличных условиях периода правления Леонида Ильича Брежнева, не сумела занять активную позицию в обществе. Это у них (молодых людей, формировавшихся как личности в семидесятые) в девяностые годы отобрали прекрасную большую Родину – СССР. Ироничность и лёгкость повествования захватывает читателя, позволяя прочесть книгу залпом. Все обнаруженные совпадения имён, фамилий и событий – случайны.

Содержание

Знаковая встреча	5
Видениям нельзя верить	8
Не про нашу честь	11
Ни Синявской, ни чайника!	15
Прогулка по вечернему Минску	16
Сломанная берёзка	19
Суженый-ряженый	21
Прости, Валерий!	25
Брат и сестра	27
За туфлями с пятью рублями	31
Первый тренер	40
Приезд в Республиканскую школу-интернат	42
Кто вы, Раиса Адамовна?	45
Русский и русоведы	51
Ссора	54
Дружба	57
Фиаско на тренировках	60
Сентябрь 1970 года. Травма	62
Капля в море	66
Областные соревнования в Бресте	69
Эпидемия	72
Парад	77
Лето 1971 года. Солигорский вокзал	82

Спартакиада 92
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Валентина Гамарник
Невидимые нити – 1

Знаковая встреча

Таню только что выписали из больницы. Душа кричала, а мозг отключился. Монументальное крыльцо клиники приняло и поддержало в тот момент, когда мышцы Синявской предательски задрожали и тело резко пошатнулось. Деревянные резные перила подставили свои плечи, не позволив девушке свалиться на землю и окончательно опозориться, а утренний свежий воздух напомнил, что жизнь есть процесс, в котором прекрасное существует рядом с бедой.

Слабеющие ноги доволокли туловище до ближайшей лавочки, с трёх сторон окружённой кустарником. Безжизненный взгляд упёрся в россыпь некоего ярко-голубого вещества, неизвестно кем и для чего оставленного прямо посреди асфальтированной пешеходной дорожки.

Высокий сухощавый старик прошаркал мимо, даже не заметив во что вляпался. Другой прохожий, очкарик в аккуратной курточке и отглаженных штанишках, осторожненько обошёл преграду. Третий, коротышка с растрёпанными и вздыбленными волосами, остановился в двух шагах от неожиданно возникшего препятствия, постоял немного, со-

ображая, не опасно ли приближаться к загадочному объекту. Затем придвинул к холмику собственное пузико, держащееся на коротеньких кривых ножках, ещё раз посмотрел на чудо человеческого деяния и, поразмышляв о чём-то, медленно убрался.

Интеллигентного вида дама средних лет пошевелила босоножкой странную массу, взяла в руку маленькие цилиндрики, просыпала их меж пальцев, понюхала оставшиеся крупинки и, о жуть, положила в рот. Затем медленно и сосредоточенно пожевала, скривилась и тут же избавилась от содержимого. Оглянувшись, увидела девушку, вжавшуюся в скамейку.

– Простите… Вы случайно не знаете, что рассыпано на тротуаре? – спросила она.

– Нет, – не сразу ответила Татьяна.

– Странная куча в неподходящем месте.

– М-м-м.

– Что сказали? Понимаете, это пластиковые гранулы, я пробовала на зуб – не раскусить! Интересно, для чего такие штуки могут понадобиться в хозяйстве больницы?

В ответ молчание.

– Ой! А что это вы такая бледненькая?! Вам плохо?! – продолжала приставать настырная прохожая. – Миленькая моя! Губы синие, озноб! Сейчас кофтой согрею. Вот так, так будет лучше! Горе одолело! Поплачь, поплачь, станет легче.

– Не станет! Уже никогда… не станет!

– Всё будет хорошо! Жизнь течёт, зачастую совершенно неожиданно меняя русло. Загляне сонца і ў наша ваконца[1].

– Я тоже люблю белорусские поговорки. Мама… часто произносит.

– Как неожиданно! У нас с тобой есть нечто общее. Можно на ты?

– Да.

– Разреши представиться: Валентина Степановна.

[1] Белорусская поговорка. Ср. русск. будет и на нашей улице праздник.

Видениям нельзя верить

– Понимаете! Его больше никогда не будет! Никогда!

– Кого?

– Ребёнка…– прошептала новая знакомая.

– Горе какое! Крепись, миленькая, крепись! – утешала Валентина Степановна, пытаясь согреть руками и приговорами. – Родишь себе другого… с любимым человеком!.. Малыш должен быть желанным! Со временем боль притупится…

– Этот зародыш и был от возлюбленного! От моей половинки!

– Ты уверена?

– Вы не понимаете, не знаете, как долго я шла… Как долго! А теперь… видеть его не хочу… Что делать?! Что делать?!

Новая знакомая молчала.

– Его брат Тимофей договорился с врачом. Вчера утром привели меня в приёмный покой. После осмотра хирург, статный красивый мужчина, от этого ещё стыднее, спросил в лоб: «Мысли о самоубийстве были?» – «Мы в институт ходим через железную дорогу. Хорошо бы под поезд… Быстро… Конец проблеме, безысходности, позору… Тянуло… А как вы догадались?» – «Опыт! Навидался тут всякого! Самоаборт – глупейшее предприятие. Помогу! Ты же молодая,

красивая! Гони дурные мысли прочь!»

А ещё знаете, что этот доктор сказал? – прошептала Татьяна.

– Что?

– «Чтобы никто не знал о твоём незамужнем статусе, паспорт спрячь. Иначе сплетни пойдут: наши люди ушленькие и злые на язык!» Ха! Убери! А куда? Халат с оторванными карманами да выцветшая ночная сорочка – всё, что мне выдали. Под подушку засунула. После аборта – отвратное слово – в другую палату привезли. Паспорт свой нашла в кровати: нянечка постаралась. Заглянула она в него или нет – тайна, во всяком случае, ничего никому не сказала. Вышколенные сотрудники у этого хирурга. Персонал в операционной вежлив: сочувствовали, успокаивали, подбадривали. Укол в вену – и уже хлопают по щекам со словами: «Проснитесь! Как зовут?.. Всё прошло отлично!»

Странно, хорошего человека, способного заглянуть вглубь проблемы, встретила в таком неприглядном месте.

– Ну почему же! В гинекологическом отделении помогают зарождаться новой жизни.

– Да, вы правы!.. В палате со мной лежала женщина, у которой климакс начался в тридцать два года. Только замуж вышла. Бесконечные кровотечения. Мечтали с мужем о ребёнке. Вокруг неё врачи много хлопотали, и неизвестно, удастся ли им решить проблему. А мне доктор сказал – могу рожать много детишек, чудо-ребятишек.

– Вот видишь! И с молодым человеком всё наладится!

– С кем? С Павликом? Нет, расстаёмся! Решено. Встречал сегодня утром в вестибюле, но мне удалось проскользнуть мимо… Странно, никак не пойму! В первые секунды знакомства увидела: этот парень будет моим мужем! Ошиблась, выходит. Видениям нельзя верить!

– Пойдём в кафе – попьём чаю. Это поможет тебе согреться.

***

В кафе Татьяна рассказала свою историю.

Не про нашу честь

Студенты филфака третьего курса решили отметить начало обучения.

– Предлагаю пойти в ресторан «Журавинка» и как следует отпраздновать,– сказала Синявская.

– Желающие сдают по десять рублей! – раздался клич негласного лидера триста первой группы Таисы Альперович, а Раечка Коринец, активная студентка, протянула руку для сбора денег.

Решение отдохнуть приняли тринадцать студенток, но в назначенный день в увеселительном заведении появились только десять.

– Давайте продадим лишние входные билеты бедолагам, что стоят у закрытой двери ресторана – и дело доброе сделаем, и деньги не потеряем,– предложила Наташа Грекова и надула яркие пухлые губы: – Разве я не права?

– Синявская, поручаем это задание тебе как самой бойкой. Постарайся выбрать приличных людей, чтобы за нашим столом, не дай Бог, не было эксцессов,– скомандовала мудрая Таиска.

На улице, за стеклянной дверью, охраняемой бдительным швейцаром, собралась изрядная толпа желающих попасть внутрь. Татьяна выбрала респектабельного вида мужчин, проведя с ними беседу на тему поведения:

– Ребята! Обязуйтесь не напиваться, к дамам не приставать, в развлечениях составлять компанию.

– Клянёмся! – пообещали те.

Действительно, два модно одетых красивых русоволосых парня выполняли свои обязанности на все сто: принимали активное участие в танцах и веселили компанию студенток. В отличие от третьего, молча потягивавшего беленькую и закусывавшего чем Бог послал: мясным ассорти с овощами – классической скромной едой ресторанов советского периода.

– Почему ваш товарищ не держит обещание? – спросила Таня у своего партнёра, очаровавшего девушку умением делать разные па во время медленного танца.

– Работа у него такая – наблюдать. Это Валерий Анисенко, режиссёр киностудии «Беларусьфильм».

– Да-а? А вы?

– Коллеги. Валерка у нас особенный. Подаёт большие надежды. Талант!

Заинтригованная столь лестной характеристикой наша героиня тайком посматривала в сторону загадочного мужчины, иногда ловя его взоры на себе.

Началось любимое молодёжью отделение быстрых танцев. Зажигательная музыка

зачаровывала, заставляя полностью погрузиться в мир волнующего движения. В такие минуты всё исчезало вокруг Тани, оставалась только она, её гибкое тело и музыка, музы-

ка, музыка…

После окончания увеселительной программы студентки с большим сожалением покидали прекрасный просторный ресторан, выстроенный в современном стиле, состоящий из двух огромных залов.

Режиссёры оставили «Жигули» жёлтого цвета на автомобильной стоянке и отправились провожать девушек до общежития. Центральная площадь, вымощенная брусчаткой, проспект Ленина, фонари, мерцающие холодным вечерним светом, остановка, троллейбус номер пять. У дверей здания по улице Артиллеристов галантные кавалеры попрощались, пожелав спокойной ночи.

– Неужели никто из нас не приглянулся? – уже в комнате спрашивала у подружек Света Войтеховская, высокая крашеная блондинка с эффектной фигурой, любившая губную помаду вызывающего тёмно-фиолетового цвета.

– Твоя чёрная помада кого хочешь отпугнёт, – отозвались подружки.

– Да, красивые и интересные мужчины, но не про нашу честь… Па каню і хамут…[2] Сами посудите: кто мы, а кто они! – выпалила Синявская, боготворившая театр и кино, а следовательно, и всех людей, причастных к сему творческому процессу.– Два часа ночи! Сбегаю на кухню, согрею чайку, выпьем по чашечке и спать ляжем.

Татьяна схватила со стола чайник и устремилась в конец

[2] Белорусская поговорка. Ср. русск. по Сеньке и шапка.

слабо освещённого коридора, где располагалась кухня. Бегущую девушку перехватил на середине пути суженый. Раскинув руки в стороны, словно крылья, преградил дорогу и заключил в объятья. Так Татьяна нежданно-негаданно попалась в сети молодого охотника за девичьими сердцами. Высокий русоволосый парень подхватил в охапку упиравшуюся Синявскую и, крепко сжав своими лапищами, посадил на широченный подоконник, чтобы недолго думая выпотрошить её душу и съесть… Ам!.. И нет Татьяны: растворилась в любви.

Ни Синявской, ни чайника!

В шесть часов утра шумная девичья компания утихомирилась. Укладываясь спать, чтобы отдохнуть часок перед лекциями, студентки вспомнили:

– Где пропажа?! Нет ни Синявской, ни чайника!

Павел, так звали нового знакомого, вскружил Татьяне голову ласковым шёпотом: говорил и говорил, словно бредил, или куда-то торопился, или же боялся, что его не поймут, и очаровательное ночное видение исчезнет, упорхнёт как бабочка.

Признался, что давно приметил девушку, ложился спать с грёзами о ней. А сегодня в два часа ночи проснулся, будто что-то невидимое толкнуло. Внутренний голос сказал: «Вставай! Иди и ищи! Опоздаешь!»

Расставаясь под утро, два раза повторил:

– Встретимся завтра вечером. Не исчезай!

– Смешной, куда я денусь?

– Не знаю… Какая-то тревога…

Прогулка по вечернему Минску

В середине репетиции спектакля по пьесе Виктора Розова, в котором Таня играла Риту – женщину, тащившую невероятный груз семейного быта, в актовом зале появился неожиданный гость, тот самый загадочный мужчина, промолчавший весь прошлый ресторанный вечер. К нему тотчас подошёл Сергей Бондарчук (тёзка и однофамилец знаменитого актёра), работавший режиссёром на киностудии «Беларусьфильм» и по совместительству руководивший студенческим театром пединститута.

– Таня! – повернулся руководитель лицом к сцене.– К вам пришли.

– Ко мне? – удивилась Татьяна. – Никого не жду.

– Мой друг ожидает в коридоре.

Сердце самодеятельной актрисы радостно ёкнуло: «Решил пригласить в массовку!» Кинорежиссёр предложил:

– Давайте отправимся на автомобильную прогулку по городу и поговорим о делах.

– Извините, не катаюсь с незнакомцами! – сухо ответила Татьяна, подумав о том, что никогда не ездила в легковом автомобиле и даже не знает, как дверцы открываются.

– Разрешите представиться: Валерий Анисенко, главный режиссёр самой известной киностудии в республике.

– Синявская. Таня.

– Теперь, надеюсь, примете моё приглашение? – с лёгким нажимом произнёс красивым поставленным голосом режиссёр.

Студентка растерянно оглянулась: учащиеся студии расходились, Наташка Царик – верная подруга и соседка по комнате – скрылась за колонной фойе. «Бросают? Одну?! Как доберусь? В позднее время страшно идти через вокзал, железную дорогу и по тёмным улочкам частного сектора…»

– Разрешите подвезти вас до общежития? – уловил колебания девушки Анисенко.– Уверяю, всё будет хорошо.

– Давайте попробуем,– согласилась Татьяна, в массовку ведь попасть хочется.

Они прошлись по пустой площади Ленина до места, где одиноко стояли режиссёрские «Жигули». «Неужели красавец „жигуль“ прибыл сюда только для того, чтобы прокатить меня?» – не верилось девушке. Валерий сам открыл переднюю дверцу машины, усадил в кресло и пристегнул ремнём. Колёса автомобиля двинулись в сторону, противоположную общежитию.

– Катались когда-нибудь по вечернему Минску?

– Нет.

– Хочу показать вам красоту столицы.

Синявская, любуясь сверкающими огоньками столицы, исподтишка поглядывала на водителя.

«Какой мужчина! Хоть и старый…– девятнадцатилетней девушке все люди, превосходящие её годами, казались по-

жилыми.– Сколько же ему? Выглядит на тридцать два. Тёмные волосы красиво уложены. Черты лица безупречны. Едва наметившиеся залысины. Поставленный актёрский голос. Взрослый. Что может ему дать такая перепуганная „затутёха“, как я? Ни-че-го!» Татьяна грустно устремила взгляд в окошко, за которым мелькали дома проспекта Ленина.

Анисенко остановился возле магазина в районе бульвара Шевченко, ненадолго вышел и вернулся с вином, протянул рюмку, которую Татьяна взяла и молча пригубила содержимое. Нечего ей сказать мужчине, виноватому лишь в том, что опоздал на полдня: прошлой ночью у неё появился Павлик, жаркие поцелуи которого трудно забыть.

Сломанная берёзка

Два человека долго сидели в припаркованной машине. Стояла напряжённая красноречивая тишина. Оба застыли в ожидании каких-либо действий с противоположной стороны. Воздух пропитался возбуждением.

Валерий сидел обхватив руль руками и с наслаждением окунался в феромоны, исходившие от едва проглядывающего в напряжённой темноте силуэта молодой особы, а за стеклом автомобиля купались в вечерней прохладе звёзды и вместе с парочкой играли в игру влюблённых. Воздух внутри и снаружи вот-вот готов был воспламениться от искорок небесных светил-проказниц и от огня, горящего в сердцах пассажиров одинокого жёлтого «жигулёнка» на тихой пустынной улочке имени Судмалиса.

По прошествии некоторого времени Татьяна почувствовала, что сама готова взорваться вместе с наэлектризованными частицами невесомой земной оболочки, и поняла: надо даваць дзёру[3]. Едва коснувшись губами щеки Валерия, выскочила из машины.

Так торопилась убежать подальше, что, споткнувшись, налетела на молодую берёзку и повалилась, прижав телом гибкое деревце – руки-ноги в стороны, юбка кверху, мозги на-

[3] Белорусская поговорка. Ср. русск. рвать когти.

бекрень. Нелепо и смешно! Но не Таньке. Веселилась лишь луна, небесное всевидящее око.

Суженый-ряженый

– Вот, девочки, как я опозорилась. Лежала там, на глазах у красавца, и хотела только одного: у-ме-реть,– сказала Таня своим соседкам по комнате, прижимая руки к щекам.

– Ну и хорошо, что так получилось. Не пара он тебе. Старый, – утешала Синявскую Наташка Царик.– Женат?

– Не-е-т! – ревела Танюша, и непонятен был всей честной компании ответ.

В дверь постучали, и на горизонте нарисовался Павел. Таня спешно вытерла слёзы и направилась в сторону холла. Натиск суженого-ряженого пригвоздил к старому, всякое видавшему, креслу.

– Ну… Рассказывай! Где была?

– Знакомого встретила.

– Я даже могу сказать кого!

– Кого?..

– Валерия Анисенко! А хочешь скажу, кем он работает?

– Кем же?

– Главным режиссёром киностудии.

– Ты что, следил за мной?

– Зачем? Перед тобой – ясновидящий! Сейчас вот войду в транс и скажу, какого цвета у него автомобиль,– низким ровным голосом произнёс Павлик.

Закрыл глаза, вытянул руки вперёд и через несколько се-

кунд заявил:

– Жёлтого!

– Неужели?

– За рулём брюнет. Симпатичный.

– Подумаешь.

– Рост выше среднего.

– Разве?

– Тридцать два года ему.

– Угадал.

– Это ещё не всё. Вижу вас, сидящими за столиком ресторана загородного мотеля.

Таня растерялась: «Знать такие подробности никто не мог!»

Назавтра Паша раскрыл секрет. Оказывается, нетерпение выгнало его на улицу навстречу девушке, с которой познакомился вчера ночью. Встретил группу студентов, возвращавшихся с репетиции театра-студии. Спросил:

– Синявская куда делась?

– С режиссёром Валерой Анисенко уехала на машине,– ответил студент физфака Василий.

Павел недавно перевёлся из театрально-художественного института в педагогический. Студенты «театралки» часто посещали «Беларусьфильм», знали в лицо многих работников и, само собой, главного режиссёра и его автомобиль. О посещении кафе в загородном мотеле – догадался: городские рестораны в понедельник закрыты.

– Как посмела? – возмутился Павел.

– Ты о чём?

– Предательница!

– Это жестоко!

– А кто ты, если не…

– Ну, продолжи… Скажи…

– Девушка лёгкого…

Удар девичьей ладони по щеке отрезвил Павла.

– Прости, – поймал он уходящую Татьяну за локоть. – Разволновался.

– Ну вот! Слова не мальчика, а мужчины, – выдавила из себя после небольшой паузы девушка.

– Такое знакомство – не для тебя!

– Ах, не для меня? Интересно! Я что, кривая, косая…

– Ты самая красивая!

– Так в чём дело? Не достаточно умна?

– Эти режиссёры разбалованы женским вниманием, а ты наивна. Тебя легко обмануть.

– Судишь по вчерашнему?

– И по вчерашнему тоже.

– Не допускаешь, что мы, девушки, иногда хотим обмануться? Не ожидала от тебя такой близорукости. Прощай!

– Танюша, Танюша, ты куда? Не уходи!

– Возможно, Анисенко разглядел во мне то, чего тебе не удалось?

– Желание в массовку попасть, вот и воспользовался.

– Павел, мы не обещали ничего друг другу.

– Хорошо. Давай дружить, но договоримся – никаких измен, недомолвок и лжи!

– Я о тебе ничего не знаю.

– Имя знакомо, фамилия Горлик, родился в районном центре, мама – учитель, отец – сторож.

Прости, Валерий!

Как же была удивлена наша героиня, когда на следующий день дежурный по общежитию, заглянув к ним комнату, сообщил:

– Синявская! Посетитель!

– Кто?

– Анисенко.

Новость застала врасплох, так как Таня искренне считала, что после её позора Валерий больше не объявится.

– Девочки, что делать?! Боюсь показаться этому товарищу на глаза. Кто-нибудь, пожалуйста, спуститесь вниз и скажите: меня нет… и никогда не будет… исчезла… испарилась…

– Мы тоже робеем,– сказала Таиса Рокош, сверкнув золотыми зубами.

Таиса, дочь зажиточных крестьян, города и людей боялась и знала лишь один маршрут: общежитие—институт—общежитие.

– Устанет ждать и сам уйдёт…– предположила Синявская и выглянула в окошко. – Мамочки! Вышел на улицу и смотрит вверх!

Три соседки по комнате тут же повисли на подоконнике, не в силах лишить себя удовольствия поглазеть на необычного ухажёра.

– Красавец! Смотрите, смотрите! На нём кожаный пи-

джак! Так он женат? Нет? Ну и счастливая ты, курносая! – щебетали подружки.

– Всем немедленно скрыться! Перестаньте меня позорить! И сами вы курносые! – злилась и одновременно паниковала Танька.

– Жалко мужчину. Надо тебе выйти,– настаивала Наташка Царик.

– Не мо-гу! – по слогам выговорила Синявская.– Робею в его присутствии, стесняюсь. За всю поездку не произнесла ни единого слова! Ни од-но-го. Как вам это нравится? Что он обо мне подумал? Закомплексованная, зажатая особа!..

– Неважно, что он подумал, – он здесь.

– Нет, нет, нет! Горлик ближе мне и роднее, проболтала с ним всю ночь.

Через три часа сердце Гали Ващенко не выдержало. Соседка по комнате вышла к гостю, всё ещё прогуливающемуся между корпусами двух общежитий пединститута, после чего фигура стильного мужчины исчезла.

Брат и сестра

Назавтра Павел и Синявская после занятий встретились в гардеробе, чтобы вместе отправиться в театр. Тётя Варя, подавая им пальто, сказала:

– Вы такая красивая пара! Оба светленькие, как ангелы… или принц и принцесса… Похожи друг на друга, словно брат и сестра. Счастливая семейная жизнь ждёт вас впереди!

Парочка, довольная комплиментом, рассмеялась.

– А я, кстати, пробовался на роль принца во время учёбы в театральном! – вспомнил Павел, помогая Татьяне одеть полушубок.

Девушка оценивающе посмотрела на молодца: платиновые волосы полукругом обрамляли лицо, напоминая причёску героев русских народных сказок, ярко-голубые глаза, полные сочные губы, высокие, американского типа, скулы, рост за сто восемьдесят – внешность неординарная. «За мной ухаживает красивый парень…» – поняла вдруг студентка, и сердце сжалось.

Павел, открыв перед Татьяной тяжёлую входную дверь институтского корпуса «А», первым увидел на фоне боковой стены серого монолитного моста, соединяющего площадь Ленина с Московской улицей, одиноко стоящую в отдалении фигуру главного режиссёра в чёрной куртке с капюшоном на голове. Горлик дернулся, но Таня, на ходу застёгивая полу-

шубок из морского котика, который дала ей поносить заботливая тётя Аня, бросилась к Анисенко.

– Валерий, добрый вечер! Извините меня, Бога ради!

– Здравствуйте! Вы сегодня прекрасны как цветок.

– Это всё розы на чёрном фоне, – пролепетала девушка, по мальчишечьи поправив шерстяной платок, сползший набекрень.

Валерий улыбнулся.

– Маленький платочек, но яркий. Мама поделила на четыре части: себе, мне и двум сёстрам, – зачем-то уточнила девушка.

– Хотел пригласить в театр,– произнёс Анисенко и достал из кармана два зелёненьких билета.

Глаза Татьяны загорелись. На мгновение она забылась. В эти минуты наша героиня шла по фойе драматического театра под руку с главным режиссёром киностудии «Беларусьфильм», знаменитым мужчиной, а все зрители любовались красивой парой…

– Так что скажете?

Вопрос Валерия прервал фантазии Татьяны. Она оглянулась – Горлик красноречивой позой демонстрировал недовольство и готовность вступить в бычью схватку: голову наклонил, лоб выставил вперёд, глаза навыкат. Татьяна собралась и, словно стряхивая с себя несбыточные мечты, по-военному резким движением одёрнула короткую замшевую бежевую юбку, едва выглядывавшую из-под полушубка, мод-

ный подарок однокурсницы и подруги Ленки Статкевич.

– Не могу с вами встречаться, – отчеканила она.

– Почему?

– Там, в толпе студентов, ждёт друг… Мы тоже идём в… филармонию, – соврала Татьяна и, густо покраснев, добавила для большей убедительности: – На вечер поэзии…

***

Настойчивый ухажёр сделал ещё несколько попыток встретить Татьяну, паркуя автомобиль возле общежития. Девушка тайком любовалась из окна красивой фигурой, маячившей возле «жигулёнка». Не решаясь нарушить обещание, данное суженому-ряженому, она сожалела не о зелёной травке, вытоптанной мужчиной, а о своей нерешительности, хоть и понимала, что Валерий имеет полное право услышать развёрнутое объяснение.

***

Выслушав истории Татьяны, Валентина Степановна резюмировала:

– Ты как ребёнок повела себя с режиссёром… Фамилия – Анищенко?

– А-ни-сен-ко!

– Запомню. Следишь за его творчеством?

– В этом нет необходимости: обо всех достижениях мэтра докладывает Горлик. Понимаете, я обычная деревенская девочка… Не могла представить себя рядом с таким мужчиной!

– Глупости, ты не простушка!

– Родилась в деревне в многодетной семье. Мама – учитель начальных классов, отец – преподаватель физкультуры. В детстве многое пришлось повидать и пережить.

За туфлями с пятью рублями

Однажды мама разбудила дочку пораньше со словами:

– Отец уехал в Дрогичин на совещание – пойдёшь с Маней Малащицкой и Верой Зинчук в сельский совет за пособием на детей.

– Пусть тётя Вера получит деньги,– предложил сонный ребёнок.

– Не разрешают. Надо чтобы кто-то из семьи явился.

– Хоросо,– прошепелявила послушная девочка, не выговаривающая ещё звуки «ш» и «щ», оделась тепло и ушла выполнять поручение.

Дело было в феврале. Путь в Осовцы хоть и дальний, но несложный, если не считать того, что женщины шли быстро, и девочке приходилось то и дело их догонять.

Изрядно подустав, ребёнок придумал забегать далеко вперёд, а потом поджидать спутниц: фора давала возможность отдышаться, отдохнуть и набраться сил для следующей перебежки.

Двадцать градусов мороза не пугали: все обуты в валенки, а головы закутаны большими шерстяными платками так, что оставалась лишь маленькая щёлка для глаз.

На обратной дороге разыгралась пурга. Ветер дул рывками со страшной силищей, поднимал верхний слой снега и носил кругами, облепляя людей комочками, назойливо по-

падающими в глаза. Создавалось впечатление, что лютая зимушка-зима замыслила превратить двух женщин и девочку в придорожных сторожей-снеговиков.

Двигаться метелица позволяла только вполуоборот, согнувшись в три погибели; иногда, меняя тактику, ударяла в пах с такой силой, что сбивала с ног и, пригвоздив одиноких путников к земле, не позволяла подняться – пыталась усыпить в пушистой постельке, но безрезультатно: женщины знали, что их ждут дома с деньгами и гостинцами, и, успев отдохнуть за несколько секунд, они снова поднимались.

Таня приловчилась прятать глаза от пурги, зажмуриваясь секунд на десять, затем, собрав снег с ресниц варежкой, на мгновение приоткрывала веки и, сверившись с впереди идущими тёмными фигурами, опять смыкала.

Тяжёлую дорогу скрашивали грёзы о красных туфельках, которые девочка увидела в осовецком магазине. Они стояли на прилавке, куда компания, получив деньги, зашла, чтобы купить по буханке хлеба – самого важного продукта тех времён. Полки родного сельмага большей частью пустовали. Селёдка, развесное повидло составляли основу ассортимента.

Женщины приобрели вкусно пахнущие ванилью баранки (хлеба не оказалось), а Танюшка присмотрела обувку – туфельки алого цвета, невиданное чудо. Резиновые и кирзовые сапоги, валенки, ботинки – обычная обувь сельского жителя – были чёрного, в крайнем случае, коричневого цвета. Но красные или синие туфельки? Не знала деревня этого.

«Ой, какие же они красивые!» – чуть не вскрикнула малышка, сразу приметив среди ящиков с гвоздями блестящую лаком обувь. И не удивительно, что девочка застыла раскрыв рот: вокруг всё мрачное, серое, и вдруг – алое пятно. Это как сияние огонька в ночи, или мигание светлячка, или сверкание шёлка большевицкого флага в чёрно-белом кадре (в каком-то кино Таню поразил этот приём).

Грезить стала наша героиня о чудесных туфельках, приставать к маме с просьбой: купи да купи. Александра Поликарповна вначале думала, что забудет дитя о мечте, как забыла о рубле, который дала ей, укладывая спать, когда измученная дочка вернулась из тяжёлого похода. Как только девочка заснула, мама разняла ручку малышки, забрала рубль и вложила в ладошку пятнадцать копеек. Проснувшись, Танюшка подмены не заметила (коротка детская память), сбегала в магазин и купила сто пятьдесят граммов конфет-подушечек.

Но не тут-то было. Прошли зима, весна, наступило солнечное лето, а Танюша всё по-прежнему: купи да купи!

А потом внесла предложение:

– Можно я сама схожу за ними?

– Ты запомнила дорогу? – спросила мама.

– Нужно всё время идти прямо.

– Сколько ж стоят твои туфли?

– Пять рублей,– наугад сказала девочка, зная, что за её коричневые сандалии из дешёвой свиной кожи отец платил

два пятьдесят.

– Замучила. Ты же знаешь: я больной человек – такое большое расстояние мне не одолеть… Хлопцы, пошли б вы с ней,– обратилась Александра Поликарповна к сыновьям.

– Косовица сегодня.

– Пойдёшь тогда с братьями завтра.

– Нет, сегодня, сегодня! Воскресенье в магазине – выходной! Не надо мне никого, сама дойду. А-а-а! – горько ревело дитя без остановки.

– Перестань!

– Нет, не перестану! Не перестану! А-а-а!

– Хорошо, уговорила, только иди по дороге всё время прямо и никуда не сворачивай.

Уверенно топала Танюшка до самого леса. Топтала босыми ножками песок грунтовки (шоссе в ту пору ещё не было проложено, поэтому автобусы ходили редко), напевала песенки, весело глядела по сторонам – там раскинулись луга, на которых девочка часто вместе с братьями пасла коров. В прекрасном расположении духа подошла к развилке в лесу и застыла: знакомая дорога выглядела неправильно!

Оказывается, весной проводились ремонтные работы, и привычная для ребёнка местность изменилась. Прошла сначала Таня метров сто по колее от машин, ведущей влево, но густой лес и угрожающе сомкнутые кроны деревьев насторожили ребёнка, заставив вернуться обратно к развилке. Страх пробрался под ситцевое платьице.

Воспользовавшись Танюшкиной растерянностью, небесное светило нещадно набросилось на девочку, норовя нанести голове, покрытой белёсыми волосиками, солнечный удар. Раскалённый песок жёг босые стопы. В местности, где родилась и выросла наша героиня, преобладала неурожайная песчаная почва, совершенно особенная, состоящая из мелких частиц и доходившая почти до консистенции пыли, которая в дождь пропускала через себя воду, как через сито, а в солнечную погоду сильно нагревалась, сжигая всё живое, выросшее на ней.

Таня топталась на месте, перескакивала с одной ноги на другую, не зная в какую сторону отправиться. От отчаяния мысленно обратилась к лесу с безмолвным вопросом, но травы и деревья молчали, виновато склонив обгоревшие верхушки…

Маленькую девочку, прыгающую на песке, словно вьюн на горячей сковородке, увидел Володя Гарбарук, бывший ученик отца, отслуживший три года на флоте и теперь возвращающийся домой.

– Девочка, что ты тут делаешь? – спросил удивлённый матрос запаса.

– Иду в Осовцы, в магазин. Заблудилась,– промямлил ребёнок.

– Чья ж такая смелая будешь?

– Дочь Степана Андреевича.

– Нашего учителя физкультуры! Понятно. Топай вот по

этой дороге и имей в виду: впереди гора, за которой спряталось ещё несколько развилок.

Танечка уже поняла, что переоценила свои возможности. Вернуться бы обратно, да перед Володей стыдно: большой красивый мальчик в ослепительной морской форме считает её смелой!

Вздохнула и продолжила движение вперёд, проверяя то и дело карман дешёвого ситцевого платьица, на месте ли деньги. За высокой песчаной горой, с которой школьники зимой любили кататься на лыжах, встречные люди ещё раз подсказали направление, поэтому остальная часть пути прошла без приключений.

И вот наконец стоит Таня с раскрытым ртом в магазине, в руке держит свёрнутые трубочкой пять рублей и глазеет в одну точку, робея обратиться к работникам сельпо. Продавщица заметила ребёнка лишь тогда, когда поубавилось посетителей. Из-под прилавка торчал носик-курносик да сверкали голубые глазки-пуговки.

– Чего хочешь, девочка?

– Туфли.

– Это ж какие?

– Красные.

– Кра-а-а-сные?! – пропела продавщица.– А чья ж ты будешь?

– Дочка Степана Андреевича из Селина.

– Вот оно что! Знаю твоего батьку, училась у него. Как же

ты добралась сюда?

– Пешком.

– Сама?!

– Да.

– Ай, какая молодец! – похвалила тётя малышку, перегнулась через прилавок и, посмотрев на Танькины ноги, сообщила: – Туфельки малы будут, девонька!

– Не-а.

– Не веришь? На, примерь. Только ноги у тебя грязные, что ж ты сандалии сняла?

– Боялась, истопчутся.

– И то верно! Тогда просто сверху к стопе приложи. Видишь, не по размеру. Полгода назад были бы в пору!

Но Танюшка не желала сдаваться. Пыхтела, кряхтела, пытаясь натянуть обувку. Тырк, пырк – ни в какую!

Продавщица предложила едва сдерживающей слёзы покупательнице:

– Возьми конфет. Жизнь слаще станет – сразу повеселеешь.

– Хочу такие туфли! А других нет?

– Деточка, сколько у тебя денег?

– Пять рублей.

– Туфли стоят двадцать пять. Дорогие, потому как кожа, да ещё и лаком покрытая. Так что не расстраивайся, всё равно денег не хватило бы. Приходи в другой раз… А моему учителю физкультуры привет передай от бывшей спортсмен-

ки. Надя меня зовут. Он знает.

– Хоросо! – шёпотом пообещала Танюшка.

Расстроенная, долго брела она по улице деревни Осовцы. Голова и плечи опущены, руки болтаются как плети. Всё корила себя за то, что откладывала дело в долгий ящик. Полгода – большой срок. Нога подросла, и сказочные башмачки стали малы.

Вечером отец привёз из Дрогичина подарки. Нашей героине достались надувные шарики со свистком. Настроение вмиг поднялось. Горе в детские годы короткое.

***

– Умничка! А говоришь, что простая,– похвалила Валентина Степановна Татьяну.

– Обыкновенная деревенщина. Не видать мне город Минск и столичный вуз, если бы на областных соревнованиях не получила предложение продолжить тренировки в школе-интернате олимпийского резерва. Через две недели после этого пришло письмо от Василия Степановича Передни с подтверждением. Мама сказала: «Пусть едет и занимается спортом! А то взяла моду: вместо того чтобы уроки учить, целыми днями и ночами книжки читает. Растолстеет ещё, не дай Бог, да ожирение сердца получит».

– Знаешь что, Танюша, пойдём ко мне домой! Наше с му-

жем жилище совсем рядом. Буду планы писать, а ты мне расскажешь, как попала в эту необычную школу,– пригласила я малознакомую девушку в крохотную однокомнатную квартирку, потому что понимала – оставлять её одну в таком состоянии нельзя.

Первый тренер

Отец Татьяны, талантливый учитель физкультуры, имел много наград министерства образования и знак ДОСААФ «За активную работу». Его ученики занимали первые места в республиканских соревнованиях. Степан Андреевич – тренер широкого профиля. Учил детей метко стрелять, ходить на лыжах, плавать, бегать, прыгать, играть в баскетбол, волейбол, ручной мяч.

В метании взрастил одну способную ученицу – собственную дочь. Таня обожала бег, прыжки в длину и высоту, в стрельбе выбивала сорок восемь очков из пятидесяти, метко забрасывала мячи в ворота и в баскетбольную корзину – любо-дорого смотреть.

Одарённого ребёнка из деревни заметили на областных соревнованиях и пригласили учиться в Республиканскую школу-интернат олимпийского резерва по профилю «Диск, ядро». Степан Андреевич доверил свою лучшую спортсменку другому тренеру – Василию Степановичу Передне, молодому и талантливому. Отец Татьяны понимал: дочери нужно расти, а столичная школа даст гораздо больше, чем сельская.

В Дрогичине проводить в Минск Таню пришёл председатель ДОСААФ Виталий Семёнович Ковалевский. Вложил ладошку спортсменки в свою широченную волосатую ручищу и, пристально глядя в глаза, как будто пытаясь увидеть,

славное или бесславное будущее ждёт этого ребёнка, произнёс:

– Ну, девочка, желаю успехов. Давай, дерзай! Прославь наш край!

Приезд в Республиканскую школу-интернат

Раиса Адамовна, воспитатель седьмого «А» класса забирает новенькую из кабинета директора, ведёт по холлу с колоннами, проводит по трём этажам учебного корпуса. Под ногами скрипит паркет, пахнет мастикой: уборщица в углу натирает пол. За стеклянной стеной – актовый зал. В нём сцена, пианино да ряды стульев. Рядом пионерская, из которой доносятся звуки горна и барабанная дробь. Классы пусты.

Седьмой «А» – на втором этаже в конце коридора. Комната выкрашена в классический жёлтый цвет… Тишина, скучающие парты да доска-«одиночница», рядом примостилась маленькая скромная стенная газета. Таня про себя отмечает: «С наглядностью не очень!» Воспитательница объясняет: безмолвие оттого, что все дети на тренировках.

Возвращаются. С другой стороны коридора – учительская, рядом игровой зал. Заглянули – тренируются баскетболисты. Раиса Адамовна комментирует: «Девочка, что забросила мяч в корзину,– Щербакова, твоя одноклассница». «Щербакова так Щербакова, раскраснелась, носится как угорелая. – думает Синявская, равнодушно приняв информацию.– Хотя… завидно. Баскетбол обожаю. Входила в состав

сборной Селинской школы. Что ни бросок, то гол».

Пройдя длинный коридор, соединяющий учебный корпус со спальным, Таня с Раисой Адамовной оказались в просторном холле возле столовой. На стене инкрустация из цветного камня. Красиво! Заглянули в помещение с колоннами по центру и множеством столов.

– Малышева! – окликнула белокурую кудрявую девочку Раиса Адамовна.– Почему одна накрываешь? Где Райз?

– Опаздывает.

– Сейчас я его… пришлю!

В мгновение ока Танюша вместе с разгневанной воспитательницей оказалась в спальном корпусе.

– Вот твоя кровать. Располагайся, переодевайся и через пятнадцать минут на тренировку. Сбор в холле. Теперь каждый уголок этого здания будет играть огромную роль в твоей жизни.

– Запомню.

– Вот и хорошо! А я за Райзом. До чего нерасторопный мальчишка! – сказала классная и ушла в правое крыло коридора, там, как сказала она, находились спальни мальчиков.

Таня, оставшись одна, разволновалась: как найти свою группу? Но, спустившись в холл, сразу узнала тренера. Это он беседовал с ней на областных соревнованиях. Молодой, лет двадцати восьми. Высоченный. Стройный. Волосы русые. Глаза – сплошная синь. Нечаянно заглянув в неё, можно утонуть и потеряться в глубине зрачков. Танюша не дура, не

смотрела. Слушала только голос – ровный, спокойный.

Вскоре к крыльцу подъехал маленький автобус и отвёз группу в манеж «Трудовых резервов». Там Танюша вдохнула пропитанный рекордами воздух, впитавший запах молодых здоровых тел, их кед и кроссовок, увидела много спортсменов, которые бегают, прыгают, метают и, заразившись от них энергией, надолго заболела манежной болезнью – страстью к достижениям.

Кто вы, Раиса Адамовна?

Во время самоподготовки, которая началась в семнадцать часов, переклинило что-то в голове Татьяны. В результате она никак не могла решить простую задачу по математике. Почти все дети уже покинули классную комнату. Даже Ольга Щербакова, ёрзавшая и вертевшаяся все четыре часа, объявила, что с неё хватит грызть гранит науки. Классная воспитательница, посмотрев пристально на сидевшую за задней партой ученицу, спросила:

– Синявская! Ты двоечница?

– Нет! Хорошистка!

– По твоему дневнику заметно! Диктант по русскому языку – «два»! Устный ответ – та же некрасивая оценка! Откуда прибыла?

– Из деревни Селин.

– А точнее?

– Дрогичинский район. На Днепровско-Бугском канале. Пять километров от Украины.

– Тьмутаракань какая-то… Даю неделю на исправление. Иначе… исключение.

Краска залила лицо Татьяны. Красивый мальчик, сидевший в третьем ряду на «камчатке», иронично усмехнулся, пробурчав что-то себе под нос. «Бессовестный! Радуется чужому несчастью!.. Саша, кажется, его зовут… Обаяшка!

Вьющиеся волосы, реснички… Фу, не люблю смазливых! Голову наклонил к парте, взгляд – из-под бровей».

– Помочь? – предложил одноклассник.

Не понять: издевается или сочувствует?

– Сама справлюсь!

– Вержицкий! – раздался строгий окрик Раисы Адамовны.– На отдых!

– Я побуду ещё. Составлю Синявской компанию, – отвечает парень спокойным, ровным голосом.

«Самоуверенный, сидит откинувшись, руки скрестил на груди. Поза – наглая! Ведёт себя как барин. Да и внешность соответствующая. Странно, классуха не одёрнула. Любимчик, наверное», – решает Таня.

Как бы то ни было, а решить задачу не удаётся. Раиса Адамовна злится. Делает вид, что читает газету, а сама нет-нет да пристально поглядывает на новенькую. Кожей чувствует Танюша исходившую неприязнь от воспитательницы – холодной красавицы, но которую назвать мымрой язык не повернётся. Тогда кто же вы, женщина, которая заменит Синявской маму на период обучения? Поживём – увидим!

В сельской школе девочка задачки щёлкала как семечки благодаря талантливой учительнице Тамаре Семёновне Бирюк – выпускнице той же школы, которая вела уроки легко и непринуждённо, с улыбкой на губах, обрамлённых тёмненьким пушком, к концу занятия сверкавшем капельками пота.

Двадцать три ноль-ноль. Конец самоподготовки. Р. А. (так

называли воспитательницу между собой дети) вместе с Вержицким удалилась в спальный корпус. Пришли гимнастки с вечерней тренировки.

– Новенькая! Дай списать математику,– услышала Таня шёпот, исходивший из третьего ряда.

– Что?

– Списать, говорю, – повторила тоненькая фигурка, если бы не большая копна густых волос, собранных в причёску под названием «хвост», Томочку Гришкову можно было принять за мальчика-подростка.

– А? Сейчас! – ответила Синявская и представила, что она на родине, в привычной для неё обстановке помогает одноклассникам, и решение в голове созрело само собой.

Вздох облегчения вырвался из груди – первая победа за семь невероятно тяжёлых дней пребывания в новой школе! На всех последующих уроках Синявская тянула руку, чтобы реабилитироваться. Зоология – «отлично»! История – «пять», «пять», «пять»! Геометрия – «отлично»! География – та же оценка! Две странички дневника были испещрены сладенькими цифрами красного цвета.

***

Татьяна пришла к выводу, что в отдалённой селинской школе работали тоже талантливые педагоги, поэтому получить хорошие оценки у столичных учителей ей не составило

большого труда. В Селине биолог Ольга Ивановна требовала от учеников, чтобы знания по её предмету от зубов отскакивали. Позвонки скелета человека детям по ночам снились. А как ловко справлялась молодая женщина из Пинска с огородом! Таня на всю жизнь усвоила квадратно-гнездовой способ размещения картофеля в земле, а также посадку клубнями, половинками, долями и отростками.

Маленькая и худенькая Ольга Ивановна с модной в те времена куксой на голове и огромными глазищами казалась Тане самой красивой женщиной на свете. Девочка не понимала: как она могла выйти замуж за Петю Симонова?! Подумаешь, красавец моряк, только что вернувшийся из армии! Но ведь он выпивал! И бил эту хрупкую женщину! Ольга Ивановна впоследствии родила ему двоих детей, и семья переехала в Пинск. Люди в деревне говорили, что заболела и умерла молодой, не выдержав навалившихся невзгод.

А историк Анна Ивановна?! Кандидат наук! Глаза горели и у детей, и у неё, когда рассказывала необыкновенные случаи из прошлого, не прописанные в учебниках. Случайно жизнь занесла её на два года в граничащую с Украиной местность: развелась с мужем, шофёром, и сбежала куда подальше от грубого пьющего существа. Высокая брюнетка с длинной косой, светлой, как мрамор, кожей, алыми губами – и какой-то там любитель зелёного змия! Это несовместимо!

***

– Так откуда, ты говоришь, к нам приехала? – спросила Раиса Адамовна в субботу, подписывая дневник новенькой и насчитав двенадцать пятёрок на одной странице.

– Из деревни Селин – в пяти километрах от границы с Украиной.

– Надо же! Там работают прекрасные педагоги! Повезло твоим землякам!

Это особенно стало понятно, когда Танечка увидела, как безобразно ведут себя дети на уроке маленькой растерянной учительницы – Арины Марковны, добрейшей души женщины, еврейки по национальности. Как можно так издеваться?! В классе стоял непрекращающийся шум и гам. Выделялись Щербакова, горластая девочка, и несколько её подружек. Да что Оля, все дети словно с ума сходили!

Таня поначалу исподлобья смотрела на это безобразие, затем принялась поддерживать педагога, бесконечно поднимая руку для ответов, извлекая из ситуации свою выгоду. Бывало, получала по несколько «отлично» за один урок.

Впрочем, в Селинской школе тоже работала еврейка – маленькая полненькая Раиса Григорьевна (некоторые называли её Рахиль Гиршьевна), и у неё тоже ученики стояли на ушах. Что такое? Почему так? Дети-локаторы чувствовали доброту и неспособность к сопротивлению женщин этой на-

циональности? Может, именно этими качествами объясняется то, что евреи безропотно шли на расстрелы во время Второй мировой войны?

Русский и русоведы

А вот с русским языком всё было непросто!

Всякое желание любить великий и могучий чуть не убил учитель русского языка селинской школы Андрей Семёнович. Агрессивный алкоголик орал на уроке диким рёвом, словно раненный зверь. Татьяна пугалась во время таких приступов и мысленно пряталась под парту. В знак протеста перестала выполнять задания по литературе и языку.

Однажды из страха перед Андреем Семёновичем Таня совершила стыдный поступок: сделав вид, что потеряла сознание, упала на глазах у детей и учителей, дружно идущих в храм науки, стоявший метрах в пятистах от деревни.

Всё произошло спонтанно. Танюша весело бежала с детворой в школу. Когда поравнялась с учителем русского, её всю затрясло. Волна страха толкнула в спину, и девочка повалилась. Ровнёхонько так легла, благо под ногами – мягкий пушистый жёлтый песок. Раскинула в стороны руки, словно пугало в огороде соседки Лиды, и старательно закатила глаза. Для представления Таня выбрала место перед берёзовой рощей, на горке, где недавно на субботнике дети дружно высадили сосенки в песочную почву. Лёжа на мягком жёлтом песке и чувствуя поддержку родной земли, поняла: подниматься не хочется. Душой овладел всеобъемлющий покой, и показалось, что это самый лучший способ избежать наказа-

ния за невыученный урок.

Таня даже подумать не могла, что её отведут в святая святых – учительскую, посадят на диван, будут хлопотать и утешать, станут отпаивать чаем; затем отец отвезёт на возу, в упряжке которого будет школьный огненно-рыжий конь, домой. Педиатр Надежда Григорьевна, по совместительству акушер-гинеколог, бросит больных, отправится на мотоцикле на вызов за пять километров и даст заключение: «Ребёнок здоров! Виной всему нервы! Впечатлительная! Принимать витамины!»

После выпитых капелек, которые Танюше дала Надежда Григорьевна, чувство стыда исчезло. Она лежала в дневной тишине, нарушаемой лишь мерным стуком будильника в углу да шуршанием сверчка, на маминой деревянной кровати, изготовленной дедом Андреем, вдыхала запах, исходящий от перины, и испытывала лишь покой и умиротворение, которые благоприятствовали крепкому сну.

***

Надежда Семёновна, вторая воспитательница и русовед седьмых и восьмых классов школы-интерната олимпийского резерва, быстро навела порядок в голове Татьяны. Она заставила новенькую выучить все правила так, чтоб от зубов отскакивали, когда ни спроси.

– Синявская и Щербакова! Сегодня в конце самоподго-

товки сдаёте с первого параграфа по десятый за пятый класс, завтра – с десятого по двадцатый, послезавтра – с начала и по тридцатый. И так до конца программы седьмого класса,– выставила требование учительница, протягивая двоечницам проверенные диктанты, где красовались жирные красные колы.

Щербакова бурчала и сопротивлялась. Но воспитательница, поджав тонкие губы и раздувая ноздри, молча терпела капризницу. Синявская, ребёнок не разбалованный, молча подчинилась, понимая: её безответственному отношению к русскому языку пришёл конец.

Татьяна удивлялась, каким упорством обладала эта седая уставшая женщина с красиво уложенными вьющимися волосами! Ей бы махнуть рукой на всех, а она – нет, оставалась после самоподготовки и устраивала дополнительные занятия для отстающих, при этом преподавала с таким вдохновением, что, проникновенно читая вслух произведения русских писателей, вышибала слезу у самых заскорузлых душ, а зачастую и сама плакала вместе с классом.

После тяжёлого трудового дня, начинавшегося в восемь утра и заканчивавшегося в двенадцать ночи, мало что оставалось мужу Надежды Семёновны и дочери Елене. Жаль, что люди, без остатка отдающие себя другим, быстро сгорают: Надежда Семёновна вскоре умерла от сахарного диабета.

Ссора

Наблюдая за новоиспечёнными одноклассниками, Синявская часто удивлялась, какие метаморфозы происходят с ними у разных учителей, словно у одного и того же ребёнка несколько лиц, характеров и даже фигур. Весь облик мог измениться в одночасье. Детский непосредственный актёрский талант? Или просто расплывчатость черт несформировавшейся личности? Одна дёрганая Рая Турукина чего стоила! Деревенские – другие: сдержаннее, серьёзнее.

Произошло нечто невероятное.

Танюша почувствовала, что в ней сидит некий дьявол: вторая или даже, если учесть инсценировку в детстве с обмороком, третья личность.

Самоподготовка закончилась. В классе лишь гимнастки, Синявская да Рая Турукина, которая ни с того ни с сего пристала к Кожич, своей соседке по парте.

– Что, малая сопля, не можешь решить задачку?

– Твоё какое дело? – ответила писклявым голосом ангелочек Валя.

– Не решишь! Не решишь! – запела Турукина и вырвала из рук девочки учебник.

– Отдай! – вскочила Кожич, протянув руку за книгой.

– Не отдам! Не отдам! Никчёмная глупенькая курица, а мозги-то и вовсе цыплячьи. Что? Не можешь попросить спи-

сать у Гришковой? Ей Синявская уже давно решила. А ты так и будешь сидеть здесь всю ночь! – кричала неприятным голосом базарной тётки сильная и крепкая многоборка Рая.

Обиженная Кожич уже давно списала бы у кого-нибудь решение задачи, но, высмеянная Турукиной, вернулась на своё место и пыталась напрячь мозги. Ничего не получалось, и не удивительно: каждый день по две изнуряющие тренировки, но успехи невелики – в сборную республики не взяли. Ко всему прочему, взъелась на неё ещё и классная, обвиняет во всех смертных грехах, а в классе называют доносчицей. Настроение на нуле. Слёзы тихими ручейками заструились по маленьким аккуратненьким щёчкам светловолосой кудрявой девочки.

Гришкова, пожалев малышку, протянула тетрадку с решённой задачей. Турукина набросилась на неё как коршун:

– Томка! Ты ябеду пожалела!

– Не смей меня так называть! Раиса Адамовна спрашивала – я отвечала.

– Доносчица! Доносчица! Выдала нас! Подумаешь, развлекаемся по телефону!

Тут к Рае присоединилась вошедшая Щербакова. Гришкова тоже развеселилась. Троица прыгала и орала обидные слова в адрес жертвы. Синявская холодным голосом сделала несколько замечаний взбесившимся «ведьмочкам», но те хохотали, а Кожич, как маленькая собачка болонка, прыгала, скулила и подвывала.

Некая сила подняла Синявскую с задней парты и бросила к доске, заставив выдернуть тетрадь из рук Раи и отдать Вале. Таня кричала, разве что только слюна изо рта не брызгала, о справедливости, о том, что нельзя обижать слабых, что телефонный «террор» местных жителей компанией, в которую входили Щербакова, Турукина, Гришкова, Хомчик, Смирнов, Суховарова, возмутителен, и доведение бабушек до слёз – отвратительно! А Рая всё хохотала, кривлялась, дёргала Кожич за волосы и пробовала опять вырвать тетрадку. И тогда Татьяна ударила Турукину по лицу. С размаху, со всей силы.

Звонкая пощёчина отрезвила всех. В классе наступила тишина. Через минуту обидчиц как ветром сдуло. Таня успокоила рыдающую Валю, затем попыталась успокоить свою совесть, но стыд и чувство вины не покидали.

Ладонь, ударившая Турукину, горела. Открытие, что её, сдержанную, благоразумную, может захлестнуть неконтролируемый гнев, сразило.

Таня ожидала от Раисы Адамовны дотошный расспрос – воспитательница не раз их устраивала, расследуя шалости детишек,– и очень боялась. Но поведение классной удивило: она во всём обвинила Валю, доведя девочку до истерики. После чего последняя заявила, что уходит из школы.

Дружба

Между Синявской и Щербаковой завязалась дружба.

Началось всё с того, что в один из выходных Оля пригласила Татьяну в гости. Красивый дом, торцом выходивший на площадь Победы, роскошная трёхкомнатная квартира с высокими потолками произвели на «деревенщину» неизгладимое впечатление. Молодая хозяйка угощала макаронами, посыпанными луком.

Таня выросла в селе и знала: зелень добавляют в салат, картошку, едят с салом, но в макароны… Неожиданно, но вкусно! Спасибо однокласснице, теперь Синявская, когда пожелает, кладёт сорванные в огороде приправы даже в каши. Хорошо, что муж всеяден.

Зинка Суховарова, верный Олин оруженосец, возможно, отнеслась к новому увлечению подруги негативно, но виду не подала. В свою очередь пригласила Таньку к себе в деревню. Детали поездки стёрлись, помнится только маленькое здание вокзала на Ангарской, переполненный пассажирами автобус, веранда, обитая выкрашенной в синий цвет вагонкой, маленькая сухонькая женщина с милой, застенчивой улыбкой – многодетная мама – и яичница на сале с жареной квашеной капустой. С тех пор жаркое такого рода – любимейшее блюдо Синявской.

Р. А. одобряла дружбу девочек, втайне надеясь, что се-

рьёзная ответственная Таня положительно повлияет на поведение одноклассниц, но спустя полгода заметила охлаждение отношений.

– Что случилось? – спросила она Татьяну после окончания самоподготовки, когда остались в классе наедине.

– Дружить со Щербаковой не буду,– ответила школьница.

– Почему?

– Разные мы.

– Поясни.

– Произошло несколько возмутительных случаев. Рассказывать о них не стану.

– Оля сложная девочка, но не безнадёжная.

Промолчала Синявская, оставила время на размышление. Подумать было о чём.

Зина Суховарова со Щербаковой ревновали Люду Чмурак и Валю Кожич к Р. А. Доводили девочек до истерики словами «ябеды», «доносчицы» и тому подобными. Оля часто напевала вслед Чмурак: «На заборе птичка сидела и такую песенку пела: „Мамочка, купи мне галоши – я станцую танец хороший“», заставляя бедного ребёнка краснеть как бурак и плакать.

Даже если и рассказывали одноклассницы что-нибудь воспиталке, то лишь о «прекрасном» поведении негласного лидера класса и её друзей. К примеру, в последнее время компании полюбился телефонный «террор», доводивший мест-

ных пенсионерок до белого каления. Другое Олино занятие – выбрать в толпе девушку и высмеять весь её облик: причёску, одежду, обувь. Таня, выросшая в стеснённых жизненных обстоятельствах, такой подход к развлечениям принять не смогла.

Однажды, гуляя со Щербаковой и Суховаровой по улицам Минска, Синявская расплакалась, жалея прохожую и себя, в то время как Оля в очередной раз упражнялась в «красноречии» перед скромно одетой жертвой. «Нет, нет и ещё раз нет! Играйте, но без меня»,– думала Танюшка, стесняясь нахлынувших чувств разного рода: возмущения беспардонным поведением подруги, жалости к бедно одетой девушке и к себе.

Памятуя, как стояла на тротуаре улицы Киселёва и ревела навзрыд, чувствуя обнажённость собственных нервов, словно Оля только что насмехалась не над посторонней девочкой, а над ней лично, Таня постаралась мягко разорвать отношения с подругой, живущей в доме на площади Победы.

Фиаско на тренировках

Тренер Василий Степанович вызывал у спортсменов восхищение: бегал, прыгал и метал вместе со своими подопечными. Образец для подражания!

И вот с таким учителем спортивные достижения Танюши стали падать. Спортсменка напрягается, старается, занятие за занятием упорно трудится. Но… пшик!

– Почему не получается? – нервничает Татьяна.

Но Василий Степанович, несмотря ни на что, спокоен.

Одногруппница Нина Иванова ревниво отмечает:

– Какая тебе разница!?

– Исключат, волнуюсь. Вернусь на родину с позором.

– Не исключат.

– С чего ты взяла?

— Потому что ты Любимица!

– Любимица? У кого?

– У В. С.

– У Василия Степановича?

– Да.

– Глупости!

– Заметно, что неровно дышит.

– У него жена – ба-ле-рина!

– У В. С. взгляд меняется, когда подходит к тебе.

– Ерунда!

– Теплеет.

– Ну и выдумщица!

– Я ревную. Мне редко помогает.

– Новенькой требуется больше внимания.

– Да, уж!

– Из уважения.

– Ага!

– Из-за того, что меня выбрали председателем совета дружины школы.

– Спортсменка, комсомолка, отличница, красавица! – иронизирует Нина и толкает ядро.

– Неплохой результат, – отмечает Таня. Ты и сама у вашей классной Ольги Ивановны чуть ли не в подружках ходишь.

– Сравнила.

– Знаешь, я вчера купила сапожки новые.

– Где?

– В ЦУМе. Взрослые. Но зато нарядные, беленькие – освежают. Выбора не было, поэтому подумала-подумала – и приобрела. Стеснялась надевать: семиклассница – и на каблуках! Встретила Василия Степановича в коридоре, он сказал: «Тебе идут! Красиво».

– Я же говорю: неравнодушен! – повторила Нина.

Сентябрь 1970 года. Травма

Разошлась Танюша на тренировке (к середине занятия энергия била через край) – со всего размаху врезалась в металлическую часть импровизированных ворот. Показалось, черепушка раскололась на две части. И вот результат – рана на голове!

Играли в любимую игру – ручной мяч. Спортивные занятия проходили на площадке для разминки в парке Победы на свежем воздухе. Воротами служила скамейка, опора которой отлита из чугуна. Синявская подпрыгнула, замахнувшись мячом, затем резко сманеврировала влево, чтобы обогнуть противника, неожиданно появившегося на пути, и сделала точный бросок.

– Гол! Отличное попадание! «Ура!» – проорали члены команды. Удалось! Мяч порадовал и отправился по назначению, а голова – прямиком в металл.

Радость удачи Синявская испытала одновременно с тяжестью удара. Схватилась за голову, пытаясь унять боль. Василий Степанович осмотрел рану – небольшая. Решил, что ничего особенного – пакуль жаніцца, загаіцца[4], но на всякий случай отправил в медпункт. Прерывать игру девочке не хотелось, но пришлось подчиниться.

---

[4] Белорусская поговорка. Ср. русск. до свадьбы заживёт.

Одна аллея позади, другая… А потом что-то случилось. Старые тополя и липы зашатались, принимая всевозможные причудливые формы, а небо и земля затеяли игру под названием «От перемены мест слагаемых сумма не меняется». Милый щебет птиц перерос в безобразный галдёж. Чтобы не случилось катастрофы, Татьяне пришлось бочком примоститься на скамейку. Попала на краешек. Сидела смирно, пытаясь унять какофонию в голове.

– Девушка! Вам плохо? Нужна помощь? – услышала голос мужчины средних лет.

– Спасибо, нет,– вяло промямлила раненая, потихоньку приходя в себя.

– У вас кровь!

– Да-а?

Потрогала рану рукой – мокро. Бросила взгляд на ладонь – алая.

– На тренировке ударилась, иду к врачу.

– Возьмите платок! Зажмите!

– Хорошо.

Татьяна опасалась, что встречные могут принять залитую кровью девушку за непонятно кого, но платок неравнодушного прохожего помог прикрыть место травмы, и ей удалось спокойно дойти до школы, незаметно пройти холл, коридор и появиться на пороге медпункта.

Медсестра остригла волосы вокруг раны и тут же принялась её обрабатывать.

– Придёт Елена Николаевна – осмотрит и решит, что с тобой делать,– сказала Софья, осторожно нанося ваткой раствор перекиси водорода.– А вот и она!

– Что у нас здесь? – на ходу задала вопрос врач своей подчинённой, направляясь к умывальнику.

– Удар головой о скамейку.

Доктор вытерла руки о белоснежное полотенце и вознамерилась надеть перчатки, но не успела: отвлекли крики, раздавшиеся из глубины коридора.

– Елена Николаевна! Елена Николаевна! Ой, там, там!

– Что случилось?! – встревоженная доктор развернулась и двинулась на громкие голоса.

– Скорее! В зале тяжёлой атлетики гиря упала девушке на голову!

– Софья Ефимовна! Заканчивайте с Синявской, прихватите чемоданчик – и за мной! – распорядилась доктор и скрылась за дверью.

Через минуту Татьяна осталась одна среди белых стен и, сидя на кушетке, покрытой белоснежной простыней, тупо глядела в одну точку. Постепенно белого цвета шкафчики на фоне светлых стен растворились, а окружающая среда, расплываясь в очертаниях, превратилась в белую дымку. Девочку потянуло в сон. Вывел из задумчивости топот чьих-то ног по лестнице, громкие голоса, команды, отдаваемые мужским голосом. Обвела комнату глазами: бинты, ватные тампоны, баночки, инструменты на подносе брошены как попало. Си-

нявская поднялась и ушла, не потрудившись закрыть дверь осиротевшего медпункта.

На уроке литературы подкатила к горлу тошнота, и снова стало твориться нечто невероятное: звуки, раздававшиеся в классе, то исчезали, то появлялись, учитель русской литературы, словно хамелеон, принимал различные обличья, герои Льва Николаевича Толстого (темой урока была «Война и мир»), неким удивительным способом выбравшись из книжек, бродили между партами. В голове творился хаос.

Хотела отпроситься у Бориса Аркадьевича, директора школы, который в этом году преподавал в их классе литературу, в медпункт, но постеснялась. Неловко как-то! Зажимала рот рукой и терпела до последнего. Тем более что позориться никак нельзя! Сидел за последней партой в правом ряду один мальчик, Саша Вержицкий. Язва ещё та! Любил отпускать всякие шуточки и колкости, особенно почему-то в Танин адрес.

Как только закончились занятия, непонятные ощущения в организме неожиданно прекратились, и ученица решила, что неприятности позади. Однако назавтра во время уроков безобразие повторилось. Учиться и впитывать в себя новые знания травмированной головушке явно не хотелось.

Капля в море

Через некоторое время в школу приехала важная комиссия – проверять работу медицинского персонала. Синявская оказалась в числе «допрашиваемых» и честно ответила на заданные вопросы. По-иному вести себя воспитанница Раисы Адамовны не могла.

Классная, будучи коммунистом, прививала своим ученикам основы добродетели, не разъяснив при этом, что жизнь сложнее и многограннее. Своими ответами Таня невольно добавила каплю в море фактов нарушений, собираемых против Елены Николаевны. Получилось, что медицинская помощь была оказана лишь медсестрой, жалобы больной не зафиксированы в журнале, лечение не назначено.

Комиссия отправила нашу героиню в спортивный диспансер общества «Динамо» на обследование. Вместе с Синявской и медсестрой Людмилой в автобусе ехала девушка с перевязанной головой. Таня сразу догадалась: «Тамара Секерич! Ой! Какая она бледная! И жёлтая! Мне повезло больше!»

В ожидании приёма Секерич всё время держась за голову и, тихонько постанывая, постепенно рассказала, что на злополучной тренировке, когда она подняла шестнадцатикилограммовую гирю над головой, дрогнула рука, из-за чего произошло непоправимое. Счастье, что спортивный снаряд за-

дел голову по касательной.

Татьяна от врачей диспансера узнала, что перенесла на ногах сотрясение мозга. Хорошо ещё, что строгий, но, несмотря на это, обожаемый учениками тренер Василий Степанович Передня освободил от занятий спортом!

По результатам проверки врача Елену Николаевну уволили. Борис Аркадьевич Ланда в своём директорском кресле усидел. Синявская, узнав о решении комиссии, страшно расстроилась. Девочка восхищалась доктором. Отзывчивая, внимательная, умевшая выслушать больного, знавшая всех своих юных пациентов по имени и фамилии. Дети, волею судьбы разделённые с семьёй, приходили к ней с жалобами, как к маме. Елене Николаевне Танюша была обязана зачислением в школу олимпийского резерва.

Врач приходила на тренировки в группу метателей, чтобы понаблюдать за состоянием здоровья новенькой. Измеряя давление, слушая дыхание, считая пульс в течение недели, пришла к выводу, что нагрузка непомерна.

– Синявская, нужно отправлять тебя домой.

– Почему?

– Сердечко слабовато!

Таня расстроилась: мечты рушатся!

Назавтра Елена Николаевна, придя на тренировку, проходившую в манеже возле цирка, понаблюдала некоторое время за темпом спортивных занятий, затем подозвала Таню к себе и заявила:

– Знаешь, я тут подумала, почитала специальную литературу и решила: из уважения к твоим родителям (слышала, что мама – героиня, а отец – заслуженный человек в спорте) нужно оставить тебя на полгода и понаблюдать. Иногда, если правильно распределять нагрузки, электрокардиограмма улучшается.

– Спасибо! Как вести себя на тренировках?

– Обычно. Выполняй требования Василия Степановича, он у вас талантливый.

Всё последующее время Елена Николаевна пристально следила за состоянием здоровья нашей героини, а Танюша старалась её радовать. И вот как отблагодарила ученица своего благодетеля!

Областные соревнования в Бресте

В условиях города, из-за тренировок в закрытых помещениях – манежах, без свежего воздуха результаты у Танюши резко снизились. Показатели силы рук на выжимном кольце значительно упали. Частое желание поспать настигало в самый неподходящий момент. А тут ещё пришёл вызов на областные соревнования, и надо ехать без тренера, самостоятельно. «Опозорюсь! – разволновалась Синявская.– Что скажут отец и Ковалевский, которые тоже прибудут в Брест со своими воспитанниками из Дрогичинского района?»

Зимние состязания проходили в манеже.

Ядро. Первая попытка Синявской – пятое место. Вторая – четвёртое. «Ой плохо! Плохо!»

Остаётся последняя, решающая…

Ноги не слушаются.

Степан Андреевич подзывает:

– Соберись! Вложи всю себя! Будешь толкать на наш крик. Поняла? Пошла!

– Как это?

– Поймёшь…

Таня становится в круг, начинает движение…

– Тол-кай! – хором кричат Ковалевский и отец.

И такой силы был посыл двух опытных тренеров, что Татьяна, дёрнувшись в такт призыва всем корпусом, привела в

действие каждую клеточку и каждую косточку своего тела.

Девять шестьдесят – второе место!

Первое, конечно, у Юли – Юлии Новиковой, что и на прошлых соревнованиях обошла Синявскую. Маленькая, худенькая, но до чего жилистая! Тем не менее Василий Степанович не отобрал её в школу олимпийского резерва. Интересно, какими критериями он руководствовался?

«Эх, ёлочки зелёные! Зелёные, колючие! Хороши девчоночки, девчоночки везучие!» – пела и приплясывала Татьяна в душном, пропитанном потом и спортивным адреналином манеже.

Это было действительно везение, ведь на метание диска основная, и единственная, соперница назавтра не явилась: грипп. Наша героиня автоматом получила первое место.

С высшим местом вернулась из Могилёва одноклассница, бегунья на короткие дистанции Надя Кулага, многоборка Аня Воронцова – из Гомеля, Нина Иванова приехала с третьим из Витебска.

– Синявская, поздравляю! – сказал тренер Передня на тренировке.

– Спасибо! – благодарит Татьяна и опускает глаза вниз, поведать подробности случайного успеха не решается.

– Не подвела! Евгений Иванович Ковбан уже в курсе твоих достижений. Сегодня придёт на занятия присмотреться.

Завуч по физическому воспитанию не замедлил прийти, и всё ему понравилось. Заявил, что в девятом классе заберёт

Синявскую к себе. Поздравления слышались со всех сторон, а Таня расстроилась.

Спряталась за толстенное дерево в парке Победы (там проходила тренировка) и разревелась: «Мир рушится! Придётся расстаться с обожаемым тренером – самым красивым, умным, талантливым, неповторимым. Василий Степанович так легко меня отдаёт! А ведь сколько сил положили вместе. Предатель… Евгений Иванович хорош! Пришёл на готовенькое, увидел, отобрал силой своих должностных возможностей… Саша Вержицкий уезжает в Бобруйск в недавно открывшуюся спортивную школу. Уходят Валя Малышева, Наташа Коровина, Саша Райз, Женя Жданок, Саша Мацукевич, Валя Кожич, Люда Чмурак…

Эпидемия

В школе началась эпидемия, да не чего-нибудь, а инфекционного менингита. Первый заболевший – гимнаст Володя Гладухов. Ночью у него поднялась температура, но больного забрали в изолятор лишь наутро, а там разобрались не сразу – прошло несколько драгоценных суток.

Следом свалилась многоборка Люда Смольская, затем брат Володи – Миша. Тройку отправили в инфекционку. Оттуда страшная весть: менингит.

Карантин!

Министерство здравоохранения в панике: очаг эпидемии в центре города! Люди в белых халатах и респираторах поливают какой-то жидкостью, где вздумается. Здорово! Обстановка как в каком-то кино про борьбу с оспой или чумой. Везде врачи. Впрыскивают в рот что-то кисленькое, вкусно пахнущее лимоном или апельсином. Температуру измеряют каждый день, берут мазки из носоглотки, чтобы выявить носителей инфекции. Со своими процедурами врываются в классы без предупреждения. Боги в белых халатах!

Двенадцать заболевших. Двадцать три носителя находятся на Кропоткина, в том числе и воспитатель Тамара Ивановна Пырх. Одноклассники их навещают. Носители весело машут в окошки, счастливы: ни учиться, ни тренироваться не надо. Заболевшим сложнее: испытывают тяжелейшие го-

ловные боли.

Усилия санитарных эпидемиологов увенчались успехом: очаг инфекционного менингита успешно локализован. По окончании карантина всех учащихся отправили по домам.

***

Александра Поликарповна, стоя у печи, побелела, увидев нарисовавшуюся на горизонте дочку-минчанку, вскрикнула, пошатнулась, ухват уронила – хорошо, что в нём чугунка не было с каким-нибудь кипящим варевом,– запричитала:

– А-а, батюшки! А-а, родненькие! Исключили!

– Да нет же, нет, – кинулась Татьяна к маме.

– Нормативы ГТО не сдала!

– Сдала, сдала.

– А что, что тогда? Нашкодзіла?

– Не волнуйся, всё не так!

– Выгнали?

– Эпидемия менингита. Всех отправили на каникулы. Гуляем! – засмеялась Татьяна.

– Ничего себе! Это очень опасная болезнь! Ты здорова? – заволновалась Александра Поликарповна, хаотично ощупывая ребёнка.

– Да! Да! Только каждый день надо измерять температуру, а затем листок с результатами заверить в больнице… Мама, оказывается, в нашем доме маленькие окна! Смешно! И

комната тёмная и крохотная.

– А у вас какие?

– Большие! Комнаты просторные, потолки высокие, коридоры широкие.

– Вот и замечательно, – улыбнулась Александра Поликарповна.

***

По окончании каникул Танюша отправилась в Осовецкую больницу. Терапевт Андрей Семёнович удивился рассказу школьницы, но, тем не менее, произвёл полный медицинский осмотр, вздохнул и подписал бумажку с графиком температуры.

Синявская приехала в Осовцы утренним рейсовым автобусом Селин—Дрогичин, обратно возвращалась на своих двоих.

Конец апреля. Весна! Сосновый лес оживился, зазеленел. Белее снега светились подснежники, иногда с ними конкурировали красотой синеокие пролески. Пахнущий свежестью и цветочными ароматами воздух взбодрил Татьяну. И, хотя снег растаял, и лишь кое-где среди деревьев виднелись неприглядные серые кучи грязи. смешавшейся с рыхлым снегом или не растаявшими льдинами, девочке захотелось, чтобы весна решительнее набирала обороты; чтобы берёзы распушились маленькими нежно-берюзовыми листочками,

чтобы на обочинах дороги буйствовало разнотравье, чтобы ковёр из одуванчиков слепил глаза яркой желтизной.

Хорошо среди родных просторов!

Но дома мама вернула дочь с небес на землю.

– Почему пешком? – набросилась она.

– По-то-му, – пропела Танюша и, покружившись в танце, села на диван, чтобы отдохнуть.

– Не дождалась автобуса…

– Двадцать минут – и я тут.

– Дело не в этом…

– Мамочка, ну что ты разволновалась? На тренировках у Василия Степановича бегаем по пять-шесть километров почти ежедневно.

– Ходить одной через лес опасно.

– С каких это пор? – рассмеялась Танюшка. – С детства меня одну отправляла за грибами и ягодами.

– Тамара, расскажи ей, – обратилась Александра Поликарповна к только что вошедшей Танюшкиной подружке. – Она мне не поверит.

– На тётку Надю с дядей Васей напали волки,– сообщила соседка.

– Не может быть?

– На возу ехали.

– Когда?

– Два часа назад. Удалось оторваться, сильно погоняя коня.

С лица Татьяны сошла улыбка:

– Как раз передо мной… Я думала, что волки нападают на людей только зимой, когда всё зверьё в лесу голодает. Да и не водились в наших лесах хищники… и никто их не боялся.

– Говорят, биологи специально в послевоенные годы занимались увеличением популяции волков в лесах Дрогичинского района, для того чтобы «санитары леса» активнее поедали падаль. Вот теперь пожинаем плоды. Охотники задумывают начать отстрел,– пояснила Танина мама.

***

По приезде в Минск Синявская отнесла справку в медпункт и там узнала, что она единственная глупышка, выполнившая распоряжение эпидемиологических врачей.

Сей факт Танюшку ничуть не расстроил, ведь девушка стала свидетелем и участником события, о котором (об эпидемии в центре Минска) даже написали в газетах.

Парад

Танюша вошла в группу детей, которые будут участвовать в параде на Центральной (ныне Октябрьская) площади. По какому критерию отбирали спортсменов – неизвестно, но, как бы то ни было, девочка гордилась собой.

Тренировки проходили с шестнадцати до семнадцати ноль-ноль на площадке перед спальным корпусом. Множество голов торчало в окнах, глазея, как муштруют их одноклассники. Оказалось, спортивный шаг отличается от армейского. Синявская училась на раз-два поднимать руки на уровень груди, одновременно задирая ноги на сорок пять градусов, на три-четыре – стоп, пять-шесть – поворот направо, семь-восемь – налево.

Это не так-то просто сделать, особенно под одобрительные или насмешливые выкрики наблюдателей.

– Кулага, красотка, молодец! Мы за тебя! У-ра!

– Метателей на мыло! Живее бицепсами ворочайте!

– Серёжка! Барай! Ты что, собрался ноги в небо запускать?! Это тебе не яма для прыжков!

За день до праздника раздали форму, в которой участники должны выступать: красные трусы и белые майки. Таня разволновалась: она стеснялась собственного тела. Всегда радовалась, что метателям (в отличие от гимнастов, бегунов и игровиков, например) на соревнованиях можно выступать

в брюках.

Ранним утром девятнадцатого мая автобус отвёз группу спортсменов школы-интерната олимпийского резерва к цирку. Утренняя влага взбодрила будущих участников парада. Ночью город умылся струями воды поливочных машин. Кое-где ещё стояли лужи, которые быстро высыхали под лучами солнца, выползавшего из-за деревьев парка Горького. В воздухе стоял едва уловимый аромат высаженных специально к празднику тюльпанов да берёзовых веток, украшенных разноцветными бумажными ленточками,– их держали в руках пришедшие посмотреть представление жители столицы, принарядившейся к празднику разноцветным убранством: плакатами, лозунгами и флажками на электрических столбах.

Чтобы дети не замёрзли, команду раздеться отдали за пятнадцать минут до начала мероприятия. Синявская злилась и пыхтела, не решаясь снять футболку и брюки на глазах у толпы зрителей, с интересом наблюдавшей за происходящим.

– Что тормозишь? – спросила многоборка Аня Воронцова.

– Не могу.

– С чего это?

– Видишь, как тот мужик смотрит на меня?

– Да, глаз не сводит. И что?

– Я толстая!

– Ты прекрасна.

–У меня след от фурункула остался…

– Где?

– На ноге.

– Не вижу.

– Сзади.

– Это твои комплексы.

– Тебе легко говорить, а у меня на всю жизнь метка.

– Поверь, мужика волнует иное.

Татьяна всё равно стянула брюки лишь в последний момент, стремительно пробежала мимо любопытных болельщиков (жаль спрятаться за товарищей не могла, стояла первая в ряду слева), кричавших спортсменам:

– Ребятки! Не подведите!

– Удачи!

– Какие фигурки, какие ножки!

– Мужчина, ведите себя прилично.

– А? Что? Я и говорю, симпатюлечки!

Высокая честь открывать парад, посвящённый пятидесятилетию Всесоюзной пионерской организации, выпала ученикам Республиканской школы-интерната олимпийского резерва. Невероятно красивое зрелище было представлено на суд зрителей!.. По Ленинскому проспекту шагала юность, сила и удаль страны, распространяя вокруг радость, счастье и любовь. Участники двигались в двух метрах друг от друга, образуя ровные квадраты, идеально согласованно вытягивая вперёд ноги под углом сорок пять градусов. Таня, лихо взма-

хивая руками, гордо шагала в первом ряду в нескольких метрах от правительственной ложи. Краем глаза увидела лица руководителей страны, зрителей, толпившихся за трибунами, и телевизионные камеры, снимавшие парад. Успела подумать: «А вдруг войду в историю?! Родители не поверят!»

Вернувшись с мероприятия, дети побежали в актовый зал – смотреть репортаж о параде в дневных новостях.

Раиса Адамовна сообщила:

– Синявская, ты опоздала.

– Что показывали?

– Твоё лицо… в полный экран!

– И больше… никого?

– Никого, только общую картинку.

– Неожиданно.

– Широко раскрыв рот, восторженно смотрела на правительство во все глазищи! – съязвил Саша Вержицкий.

– Да? – растерялась Татьяна и, представив безобразную картину: ротозейка во весь экран, – покраснела. – Некрасиво?

– Я бы не сказала… – ответила классная.

— Да, бантики ничего, пышные, – добавил Вержицкий.

– Стыдно-то как! – расстроилась девушка и сползла по стулу вниз, предприняв попытку спрятаться от посторонних глаз за рядами стульев, благо спортивный шерстяной костюм плавно скользил по дереву.

– Вержицкий шутит и извинится, надеюсь! – сделала по-

пытку успокоить воспитанницу Раиса Адамовна. – Оператор не зря выхватил из стройных рядов молодых спортсменов чистое и наивное юное лицо: светловолосая курносая девочка с большими бантами на голове выглядела очень даже симпатично!

Лето 1971 года. Солигорский вокзал

« Я попалась!» – всполошилась Таня. Оглянулась по сторонам и, к своему ужасу, обнаружила, что в зале ожидания для пассажиров находятся кроме неё только два старика и он – хулиган, дебоширивший вечером на привокзальной площади… «Притворюсь спящей… Возможно, это меня спасёт!» – решила испуганная девчушка, положила голову на сумку, закрыла лицо прозрачным капроновым шарфом и стала незаметно наблюдать за передвижениями вошедшего.

Каждой вибрировавшей клеточкой своего тела она чувствовала: наполненное зловещей тишиной помещение приняло его как своего – милиция отсутствует, касса закрыта, два старика – не помеха.

Днём Синявская со своими двоюродными братьями гуляла на выгоне – поле, поросшем травой, где пасётся домашняя скотина или птица. Летние каникулы были в разгаре. Наша героиня приехала в гости к бабушке Винодоре в деревню Краснодворцы. Внучке вначале место показалось скучным: ни тебе леса или озера рядом, лишь бескрайние равнинные просторы. Даже солигорские солеотвалы не видны, несмотря на то, что Краснодворцы всего в семи километрах от города шахтёров.

Общение с родственниками и деревенские развлечения заставили поменять мнение. Таня проводила время в основном у тёти Оли и дяди Володи со своими двоюродными братьями – Ваней, младшим тётиным Олиным сыном, и Сергеем с Толей, сыновьями другой тётки – Ани. Супруги потворствовали детям в их прихотях. Вот и сегодня пацаны привели коня с колхозной конюшни, на которой работал дядя Володя, и учили девушку кататься верхом.

Страшновато Танюшке сидеть на скакуне: ноги без опоры, руки держатся только за поводья. Однако с братской поддержкой девушка худо-бедно удерживалась на спине ретивого, демонстрируя характер.

Постепенно все вошли в азарт. Прибежали поглазеть дети Бородковых – соседей, на шум, опираясь на палочку, выглянул со своего двора старый-престарый дед. Возгласы, крики, гам – здорово!

В разгар этого интереснейшего занятия появилась тётя Оля с телеграммой в руке. Текст сообщения гласил: «Прибыть завтра брест дюсш девять утра отправки республиканские соревнования тчк отец».

– Что поделаешь, надо немедленно ехать! – решительно заявила гостья.

– Племяшка! Скоро вечер! Поздно же! – возразила тётушка.

– Подвести отца, тренера и область не могу! Еду!

Уже через минуту была в доме бабушки, побросала вещи

в сумку и исчезла с глаз родственников. Спустя полчаса – солигорский вокзал, зал ожидания и ошеломляющий ответ кассира:

– Билетов нет!

– Как?! На Минск ходят автобусы каждые полчаса! – возмутилась пассажирка.

– Были да сплыли, сейчас – только проходящие. Ожидайте!

Расстроилась, вздохнула. Присела на скамейку и, углубившись в чтение книги, не заметила, что зал опустел: рассортировались, разъехались пассажиры.

…Сквозь щёлки век девушка увидела, как парень вошёл в зал, окинул цепким взглядом помещение и двинулся мягкой скользящей походкой в сторону единственной особы женского пола.

– Ну-ка! Что за ляля тут у нас сидит? Отчего молчим? А? Девочка, покажи-ка глазки! Посмотрим, какие они у нас. Большие, красивые. Так! А какого цвета? Голубого,– прорычал парень над ухом Синявской и близко, совсем близко наклонился к девушке, заставив вжаться в скамейку.– Отними свой платок, открой личико! Посмотрим, что там прячется.

Хулиган силой стянул шарф, которым Таня крепко закрывала лицо.

– Ничего, симпатичная, нос только великоват. Сколько тебе лет?.. Молчишь? Не серди меня!

– Пятнадцать.

– Пятнадцать! Девять классов закончила?

– Восемь.

– Маловата чуть-чуть. Как зовут?

– Таня.

Интуитивно девочка понимала: не надо раздражать парня. Надеялась, что всё закончится беседой.

– Что лялечка делает в такое позднее время одна на вокзале?

– Жду автобус на Минск. На соревнования надо.

– Деточка! Пойдём ко мне домой, здесь опасно находиться: плохое кто-нибудь может сделать,– пропел хулиган и потянул ребёнка за руку.

Танюша не послушалась, сопротивлялась и молча отбивалась, хлопая ладошками по его ручищам. Одновременно девочка вжималась в вокзальную скамейку, мечтая слиться с прохладной деревянной спинкой или стать надписью на ней, пусть даже самой неприятной. Видя, что её действия не принесли положительных результатов, она вскочила на сиденье и в надежде на помощь со стороны двух пожилых людей закричала:

– Дяденьки, помогите!

В ответ тишина. Старики сделали вид, что происходящее их не касается.

– Вы же мужчины!

Опять молчание.

– А-а-а! А-а-а! А-а!

– А! А! – поддержало лишь эхо почти пустого ночного вокзала.

Отчаявшись, Синявская села и крепко вцепилась в металлический подлокотник привинченного к полу кресла. Хулиган тянул свою жертву за поясницу, но не добился успеха. Руки его соскользнули к ногам упирающейся девушки, в результате чего она повисла в воздухе почти параллельно полу. Казалось, тело вот-вот разорвётся на две части, но ничто не могло заставить спортсменку разжать пальцы крепких рук.

Мы ещё посмотрим кто кого!

Сила сопротивления какой-то козявки-малявки удивила парня. Он не знал, что столкнулся с представительницей слабого пола, которая толкает штангу, равную своему весу. Утомившись, взял передышку. Вытер пот со лба и вышел на крыльцо. Танюшка краем глаза следила через мутное стекло обшарпанной вокзальной двери за перемещением его силуэта. Симпатичный, в общем-то, блондин среднего роста лет двадцати четырёх курил сигарету – удобный момент шмыгнуть сейчас мимо и убежать!

Но увы! Удирать в темноту, которая уже раскрыла жадную пасть, готовую проглотить любого,– глупо, а знакомых в городе нет.

Парень вернулся. Сменив тактику, воркует:

– Девочка! Ты не подумай, я не злодей – просто волнуюсь за тебя. Понимаешь, ребёнка легко обидеть. А мне сегодня

скучно! Мама уехала на неделю в гости к своему другу. Я вообще-то хороший, маменькин сынок. Очень её люблю, скучаю и ревную. Понимаешь меня?

– Да.

– Целых два дня в одиночестве, вот и дурею на вокзале, словно преступник. Я хороший, добрый. Веришь?

– Я тоже мамочку не видела четыре месяца.

– Вот видишь! Кстати, живу недалеко. Пойдём ко мне! Спать уложу… В тёплую постельку…

– Правда?

– Конечно! Не трону! Вот те крест!

«Тоскует, как и я, по маме» – решила Таня и представила пушистую перину, в которой нежится голова с хвостиками в бантиках нежно-голубого цвета.

Зевнув несколько раз, вздохнула, взяла сумку и пошла за парнем следом, испытывая неловкость перед двумя стариками, свидетелями произошедшего, за шум и крики, мешавшие им спать.

Вышли на крыльцо. Обступившая темень опять нагнала страху в душу Танюшки. Блондин, чутко уловив замешательство, предложил:

– Сумка тяжёлая? Давай помогу нести!

– Нет!

– Отдай её мне!

– Спасибо, не нужно.

– Сказал, дай!

– Пожалуйста,– произнесла девочка после небольшого замешательства.

– Вот и молодец!

И тут, когда Таня неторопливо, как в замедленной съёмке, начала передавать сумку, на полных парах к крыльцу подкатило такси. Заскрипели тормоза. Сквозь шум урчащего двигателя пробился голос:

– Кто на Минск?!

– Я! – хоть и вскрикнула Синявская, но как-то не сразу поняла, что прибыло её избавление.

Вывел из ступора возглас пассажира:

– Есть только одно место!

– Подождите! Не уезжайте! Мне нужно в столицу! – заорала Таня как оглашенная, вырывая сумку из рук хулигана, затем прыгнула на заднее сиденье автомобиля с чёрными шашечками на кузове и умчалась вглубь тёмной ночи, оставив своего преследователя ни с чем.

В дороге Танюша гадала: «Какова стоимость проезда? Десять? Пятнадцать рублей?», но спросить боялась. Наконец вдали огненным заревом в небе засверкал город… С облегчением услышала голос пожилого таксиста, всю дорогу наслаждавшегося тихой музыкой под мирное похрапывание пассажиров: «Готовь три рубля!» Расплатилась и с большой неохотой покинула этот тёплый и комфортный маленький кусочек рая.

Запахом продуктов сгорания угля, мазута и автомобильного топлива встретила Таню Привокзальная площадь Минска. Купив в кассе билет на брестский поезд, девочка вышла на улицу. Вспомнила о школе-интернате и, конечно, о любимой классной, с которой в последнее время сблизилась. Подумалось: здорово было бы сейчас встретить Раису Адамовну и рассказать о своём приключении! Закрыла глаза на минутку и представила встречу во всех подробностях…

Открыв глаза, Таня видит воспитательницу! Поцелуй, объятия и слова Раисы Адамовны:

– Еду в Марьину Горку. Приехала на вокзал и непонятно почему поискала глазами тебя, хотя лето, каникулы, все дети разъехались по домам… И на<ударение> тебе – натыкаюсь на саму Синявскую!

– Я тоже думала о вас несколько мгновений назад!

– Телепатия! Неужели так бывает?

– Вопрос только в том, кто на кого воздействовал.

– Что здесь делаешь ночью?

– Вызвали телеграммой на соревнования.

– Желаю успехов!

Р. А. попрощалась, и Танюша долго смотрела ей вслед. Рассказать классной о ночном приключении в здании солигорского вокзала она не решилась. А потом постаралась забыть его так же быстро, как благоразумная память мгновенно стирает кошмарный сон.

Хорошо, что всё хорошо кончается! Ровно в назначен-

ное время Таня прибыла к ДЮСШ города Бреста, а через несколько минут автобус, заполненный спортсменами, отправился в Гродно на соревнования.

***

– Ребёнка очень легко обмануть! – сказала Татьяна.

– Дорогая! Не расстраивайся! – принялась успокаивать девушку Валентина Степановна.

– Всё в прошлом,– вздохнула рассказчица.

– Моя доверчивость тоже беспокоит мужа: постоянно впутываюсь в разные истории.

Как-то раз раздалась трель дверного звонка. Открываю. Стоят у порога двое незнакомых мужчин. Просят: «Женщина, дайте нам топор!» – «Для чего?» – «Родственник наш из квартиры, что над вами на телефонные звонки не отзывается…» Взяла в кладовке небольшой топор, заботливо завёрнутый Толиком в тряпочку, и отдала.

Необычной просьбе ничуть не удивилась: два раза заливал водой пьяница сосед сверху. Дело было недавно. Снится мне сон, что идёт дождь, льёт почему-то только на верхнюю часть туловища, зонтика нет. Просыпаюсь – с потолка струи воды свисают и льются на лицо мне, Толику и Иришке… Залил сразу после капремонта в нашем доме. Не сосед, а катастрофа!

– Вот этим топориком – да тебя… – сотрясал воздух кри-

ком и топором мой муж.

Оказалось, сосед действительно умер, и труп его пролежал на замызганном матрасе несколько суток.

Спартакиада

На республиканской спартакиаде в Гродно Таня выступила отвратительно. Ядро – третье место, диск – второе. Результаты снизились у всех спортсменов, и виной тому – хлорированная вода. Дети отказывались принимать пищу. Тренеры могли заставить их проглотить лишь варёное яйцо и отхлебнуть несколько глотков чая. Жажда и голод мучили, но воду без хлора не достать – в те благословенные брежневские времена даже минералка была дефицитом.

Несмотря ни на что Синявская витала в облаках. А всё мальчик из витебской команды. Красавчик и симпатяшка, напоминавший чем-то одноклассника Сашу Вержицкого, пригласил на свидание. Первое в жизни! Место – балкон в общежитии. Невероятно романтично!

Тем летом Таня чувствовала себя красавицей.

Тётя Оля пошила ей модное платье на кокетке. Широким жестом сорвала с окошка штору из креп-жоржета, распрямила и приказала: «Рисуй!» Племянница, не веря своим глазам и ушам, тут же начертила выкройку на бумажном пожелтевшем листе, вырванном из тетрадки двоюродного брата Вани.

Три часа – изделие готово!

– Тётушка! Ты волшебница! – воскликнула Таня, вертясь перед зеркалом.

– Ерунда! Модель простая.

– Где научилась?

– В Магаданской области.

– На Дальнем Востоке! – не поверила своим ушам девочка.– Как ты из Краснодворцев попала туда?

– Сразу после войны по комсомольской путёвке.

– Ничего себе! – удивилась Таня и другими глазами посмотрела на свою расплывшуюся толстенькую тётку, одетую в нехитрый крестьянский наряд.

– Вначале пришлось потрудиться на земляных работах, а затем я попала в швейную мастерскую. Шили по очень сложным выкройкам рукава с буфами, воротники с оборками, юбки-плиссе. Ткани – капрон, шёлк, замша. Изделия продавались, а вырученные деньги шли на восстановление страны.

– Ужас! Там же холод, грязь, тяжёлая работа. Ты не жалеешь, что поехала?

– Нет! В молодости всё переносится легко, даже жизнь в палатке в тридцатиградусный мороз. И потом, отправилась туда не добровольно, а по призыву. Но это всё лучше, чем угон на работы в Германию, что пережили многие мои ровесники.

– Тётя, ты героиня! Люблю, люблю тебя ещё больше. Вот чем завлекла дядю Володю молоденького!

– Вернулась из Магадана модницей. Видела бы ты мои наряды! Некоторые достались твоей маме.

– Так это те платья, что лежат у нас дома в Селине в сун-

дуке?! Шикарные! Как в кино. Перебирать их – любимое наше с Лидой занятие.

Так вот, в этом новом платье Синявская чувствовала себя совсем взрослой. Первое свидание, второе… Таня сияет! Из глаз брызжет счастье. Вдруг узнаёт – через этот благословенный балкон прошло уже много девочек.

Просветила соседка по комнате, знавшая подробности взаимоотношений Сергуньки с другими спортсменками:

– Он с тобой встречается только из любопытства. Заинтригован. Узнал, что учишься в школе олимпийского резерва. Сам мечтает туда попасть, но не берут. Всем пацанам сказал, что получит твой поцелуй легко и просто!

– Вот почему ловлю на себе странные взгляды! – воскликнула прозревшая Танюшка.

– Ещё бы! Девочки считают тебя баловнем судьбы. Завидуют. Минск, школа олимпийского резерва – это мечта каждого спортсмена. А тут ещё и Серёжа!

– Я ничего не знала! Так искренне интересовался жизнью в интернате… Не нужен он мне. Пусть забирают!

Поплакала Танька. Чуть-чуть. Обидно ведь! Вообразила, что понравилась…

С кавалером прервала всяческие отношения, о чём потом не раз жалела. Но не сейчас! Впереди лето, полное новых впечатлений.

Дома отец поздравил с бронзовой медалью. Прибежали подружки. Аня попробовала на зуб, спросила:

– Правда, что она из драгоценного металла?

– Не знаю,– ответила счастливая обладательница награды.

Младшие дети охотно играли с новой игрушкой. Таньке не жалко – завоюет ещё! Ну и потеряли конечно же. Искали везде, даже в картошке, лежавшей под печкой, куда младший брательник Миша любил заползать. Безрезультатно!

Не сильно расстроилась Танька. Некогда: лето! Купание в канале, лес, грибы-ягоды, клуб и посещение танцев. После восьмого класса школьники автоматически становились дамами и кавалерами – так заведено в деревне. Теперь их никто не имел права выгнать из клуба.

Старший брат Гриша учил сестру танцевать вальс. Андрей перед большим зеркалом, висевшем на дверце нового шкафа (старый перенесли в бывшую кладовку, переделанную отцом под детскую), демонстрировал технику твиста и шейка.

Кое-кого из одноклассниц ребята уже провожали домой. Коле Мочанскому нравилась Аня Бондарук. Соседка Тани выросла и стала загадочной девушкой с длиннющей косой ниже пояса да огромными глазищами-вишнями. Избранница отказывалась встречаться с Колей, так как знала, что за ним бегает Люба Бебчик. Соперница обладала не меньшим обаянием: каштановые волосы, стрижка, смуглая кожа, ровный носик и тоже чёрные как смоль глаза – в генотип обеих

явно «подмешались» украинские родственники.

Любовный треугольник, вошедший в историю класса, интересен, возможно, ещё и потому, что Николай Мочанский стал большим человеком – начальником Центрального аэроклуба ДОСААФ. Говорят, что не раз пилотировал вертолёт президента, а впоследствии издал книгу «Взлёт разрешаю!», в которой много чего написано и о деревне.

Прелестницы, отлично знающие себе цену, удачно вышли замуж. Люба получила предложение руки и сердца от выпускника московского училища КГБ. Аня осчастливила высокого красавца инженера, создав крепкую семью. Обе – командирши. А Коля по характеру так и вовсе генерал. Дважды женат. Совместное существование таких личностей невозможно. Замечательно, что судьба распорядилась правильно.

Светловолосая Танюша чувствовала себя на фоне ярких подружек бледной поганкой. Однажды в клубе подбежал к ней пацанёнок лет десяти и вручил свёрнутый клочок бумаги:

– Ждёт ответа через час!

– Эй, подожди! – только и успела сказать растерявшаяся девушка, но подростка как ветром сдуло.

Развернула сложенный вдвое листочек, прочла: «Таня! Я тебья люблю!» Сначала узрела ошибку. Затем обдало кипятком. Оглянулась – не видит ли кто? Молодёжь, такая же неопытная и зелёная, как и она, смирно сидела на стульях,

внимательно наблюдая за танцующими старшими. Вздохнула с облегчением и попыталась успокоить гремевшее сердце. Не получилось. «Кому могла понравиться такая малолетка, как я? Что сказать через час?! Скорее всего, чья-то неудачная шутка».

Тут к девушке опять подлетает пацанёнок и, не удосужившись что-либо объяснить, вырывает записку у неё из рук. Через секунду вручает клочок бумаги Тане Шахно, красавице, по которой сохли все парни Селина и окружающих деревень.

От стыда и позора наша героиня не знала куда спрятаться. Замарашка, возомнившая невесть что, стыдилась всего: себя, своей молодости, белёсых ресниц и прекрасного синего платья из американской гуманитарной ткани, доставшегося маме от тёти Оли, а сегодня извлечённого из сундука, укороченного по теперешней моде и подпоясанного красным тоненьким ремешком. Улучив удобный момент, сбежала, так и не поняв: за что такой позор?

Наутро вся деревня судачила:

– Андрей Снарский признался Тане Шахно в любви!

– Красавица и немой!

– Бедненький! Говорят, что девушка погнала его метлой от своей хаты.

– Господь наделил лицом херувима, но не дал слух.

Татьяна обрадовалась, узнав, что её имя никто не упомянул, и вдруг поняла, почему именно так было написано сло-

во «тебя». Андрей учился в пинской школе для глухонемых, и там его научили разговаривать странным монотонным голосом. Парень как произносил звуки, так и написал.

После окончания учебного заведения переехал в Дрогичин и устроился там работать – художником в кинотеатре. Всю жизнь холостяковал. Долго сох по Тане Шахно. Потом пассии сменялись одна за другой. Однажды посмел приставать со словами любви и к нашей героине – в ту пору, когда она расцвела красотой зрелой девушки, но Синявская отказала, мстительно вспомнив, как он когда-то унизил её, хоть и невольно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.